

Культура и религия

Александр Гаврилин

Архипастырский путь Иоанна Гарклавса

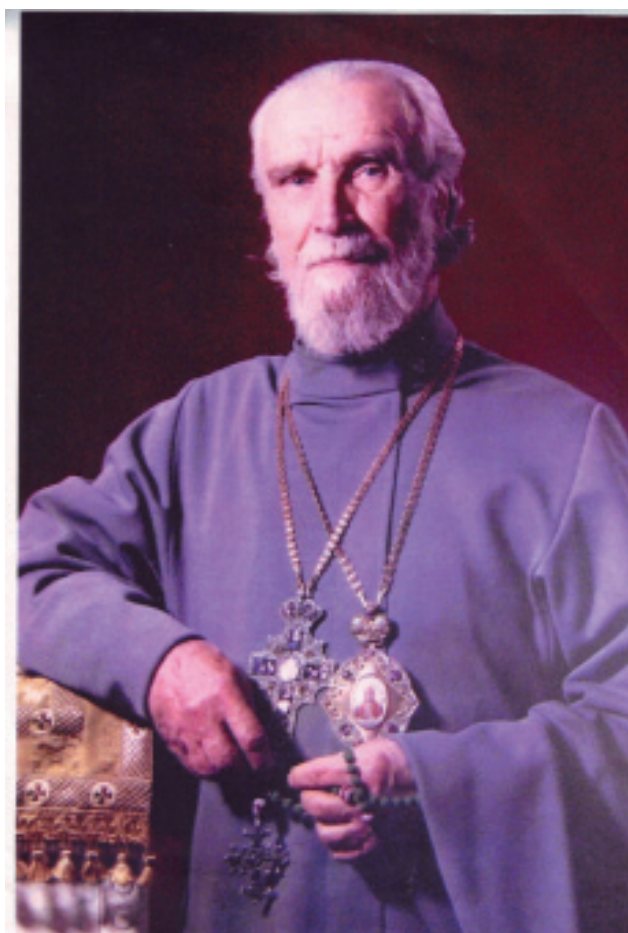
Православные латыши: введение во храм

Глава I

*«Итак вы уже не чужие и не пришельцы,
но сограждане святым и свои Богу»
(Еф. 2:19)*

Принимая во внимание указания письменных источников первой половины XIII века, исследования языковедов о латышских заимствованиях из славянских языков, анализируя археологический материал, можно с большой степенью достоверности утверждать, что уже со второй половины XI века в средней и восточных частях современной территории Латвии православие было распространено среди местных жителей. Однако на рубеже XII-XIII веков по территории Латвии «огнем и мечом» прошли немецкие крестоносцы и в созданной в результате завоевания прибалтийских земель конфедерации ливонских теократических государств восторжествовало одно религиозное вероисповедание — католичество, которое в 20-30-х гг. XVI века сменило лютеранство. Веками православие сохранялось только в крупных торговых центрах Прибалтики, как вероисповедание купцов и ремесленников, приезжавших сюда из древнерусских (с XVI века — российских) земель.

В XVIII веке территория Латвии была включена в состав Российской империи, в которой господствовало православное вероисповедание, однако в Прибалтике по-прежнему доминировало лютеранство. В XVIII веке царское правительство еще не предпринимало усилий для колонизации прибалтийских земель православным русским населением, а также не распространяло православие среди коренного населения. В свою очередь, поскольку большинство населения империи составляли крепостные крестьяне, неорганизованная миграция православного населения на новые места жительства в XVIII веке не была массовой, поэтому не вносила кардинальных изменений в вероисповедальный состав жителей завоеванных земель. Тем не менее, с присоединения Лифляндии (в 1710 году российские войска взяли Ригу, однако официально Лифляндия вошла в состав России по Ништадтскому мирному договору 1721 года), в 1772 году — Инфлянт (Латгалии — Восточной Латвии), в 1795 году — Курляндии, здесь постоянно стали квартироваться российские воинские части, появились

Архиепископ Чикагский и Миннеаполисский Иоанн (Гарклавс)

православные чиновники, возросло количество православных русских купцов и мастеровых. В результате, вплоть до начала XIX века православные приходы, пока немногочисленные, организовывались в основном в прибалтийских городах или же в местах постоянной дислокации армейских

частей, и православное вероисповедание продолжало оставаться привилегией пришлого, русского населения. Так, в 1800 году при 18 православных храмах Рижского Духовного управления Псковской епархии (территория Лифлянской и Курлянской губерний) числилось 16 290 прихожан, из которых 7 111 человек — в Риге; в 1820 году — 17 церквей и 9 378 прихожан (из них в Риге — 4 602 человека); в 1830 году было 15 приходских храмов, 3 кладбищенских и два храма военного ведомства, всех прихожан — 11 335 человек, из которых большая часть (6 252 человека) приходилось на Ригу.

Кардинальные изменения в вероисповедальном укладе населения прибалтийских губерний происходят в 40-х годах XIX века. В 1845-1848 годах 110 222 латышских и эстонских крестьян Лифляндской губернии (17% всех живущих в этот период в губернии крестьян) перешли из лютеранства в православие. В результате православие из привилегии немногочисленного русского населения прибалтийских губерний превратилось в одну из самых массовых религиозных конфессий региона. Если в 1843 году в Рижском викариатстве (открыто в 1836 году) Псковской епархии было всего 17 храмов с 15 583 прихожанами, из которых не понимали русский язык только 845 человек, то к концу 1848 года в викариатстве действовало уже 67 храмов (43 постоянных и 24 временных), причем в большей части их богослужение совершалось на латышском или эстонском языках.

Православные прихожане постоянно испытывали равнодушие к нуждам оборудования своих храмов со стороны светской губернской и уездной администрации, нередко испытывали враждебность к себе со стороны лютеранских прибалтийско-немецких землевладельцев, от которых экономически зависели. Прибалтийские помещики (немцы по национальности и лютеране по вероисповеданию) и ев.-лютеранские пасторы развернули целую кампанию, направленную на удержание латышских и эстонских крестьян в сфере своего духовного влияния. Прибалтийско-немецкие помещики прекрасно понимали, чем грозит им обращение местных крестьян к православию. По определению Рижского генерал-губернатора в 1845-1848 годах Е. А. Головина, «здешние помещики в продолжении векового владычества иноплеменными крестьянами не умели с ними сблизиться и сродниться. Одна нравственная связь, их соединявшая, заключалась в сходстве религии; ныне она разрушается». Как писало в 40-х годах XIX века руководство Рижской ев.-лютеранской консистории, «в такое смутное время ни один из членов евангелической Церкви не может беспечными глазами смотреть на происходящее — все должны соединиться под знаменем веры и Церкви и тесно держаться друг друга... На нас обращены взоры всего лютеранского христианства не только в России, но и во всей Европе». Православных крестьян заставляли отбывать повинности в имениях ев.-лютеранских пасторов, платить подати на содержание лютеранских приходских школ, им не продлевали срок аренды земли или просто сгоняли с нее. Эти санкции касались прежде всего крестьян-дворохозяев, то есть арендаторов помещичьей земли, поэтому уже с конца 40-х годов XIX века в православных латышских и эстонских приходах резко сокращается количество дворохозяев. Как отмечал архиепископ Рижский и Митавский в 1848-1867

годах Платон (Городецкий), «истинная и главная причина незначительных успехов православия в Лифляндии заключается в том, что лифляндские крестьяне лютеранского исповедания не только не видят никакой пользы переходить в православную веру, но еще опасаются подвергнуться за нее разным неприятностям и невыгодам». По подсчетам Рижской Духовной консистории, в 1857 году в 116 приходах Рижской епархии среди 146 тысяч прихожан был только 8 681 православный дворохозяин и их количество постоянно сокращалось. Так, например, в Лембургском (Малпилском) православном приходе в 1861 году было только 15 дворохозяев и 700 безземельных работников (батраков), однако уже к 1880 году количество дворохозяев уменьшилось до 7 человек, а к 1895 году в данном приходе числился только один дворохозяин. Аналогичная ситуация была и в остальных лифляндских сельских приходах. Причем это сокращение шло не за счет возвращения дворохозяев в лютеранство, что в Российской империи было запрещено законом и строго каралось, а за счет их разорения и переход в разряд безземельных работников. Как писал настоятель Лимбажской православной церкви во имя Св. Александра Невского в 1896-1913 годах о. Георгий Аузинь (Georgijs Auziņš), «кажется, что для лифляндского дворянина-землевладельца и пастора не было ничего ненавистнее, чем православный крестьянин и даже вообще человек, только выразивший желание принять православие. Несмотря на то, что законом признавалось право на наследственность крестьянских земель, но если крестьянин переходил в православие, то у него отнималась арендуемая усадьба, или же наследникам, по смерти родителей, предлагались такие условия аренды, которые никоим образом не было возможности исполнить. В таком же положении находился батрак-рабочий. Как только помещик узнавал, что кто-либо из его рабочих желал перейти в православие, то он тотчас прогонялся с места и лютеранам-хозяевам воспрещалось его брать на работу». В результате, к концу XIX века большинство прихожан латышских православных приходов составляла сельская голытьба. По словам священника Кольценовской (Ледургской) Иоанно-Предтеченской церкви о. Владимира Шахова, в конце XIX века материальное положение безземельных крестьян Лифляндской губернии было «крайне бедственное. Только половина из них ест картофель и мучное варево; остальные же довольствуются одним хлебом. Особенно бедственно положение крестьян православных. Так как все они батраки, то бедность между ними сплошная».

Помещики отказывались даже за высокую плату продавать землю под постройку на них православных церквей или оборудования кладбищ, не позволяли открывать в своих имениях православные школы. Но, несмотря на все трудности, православие привилось на местной почве. Начинает свое развитие латышский вариант православной богослужебной традиции, на латышском языке идет преподавание в православных приходских школах, на латышский язык переводят православную литературу, появляются первые латышские православные священники. Именно со второй половины 40-х годов XIX века в истории Латвии по-

является новый феномен — православные латыши. К 1850 году, то есть к моменту образования самостоятельной Рижской епархии, в которую вошли территории Лифляндской и Курляндской губерний (с 1865 года и Эстляндская губерния с Ревельским [Таллиннским] викариатством), в Прибалтике действовали уже 117 православных приходов (109 храмов), а общее количество православных прихожан составило 146 183 человека. В 1850 году была открыта Рижская Духовная семинария, в которой особое внимание уделялось подготовке священников для латышских и эстонских приходов.

В 1883 году началось новое движение латышских и эстонских крестьян в православие. Это движение затронуло в основном только Эстляндскую и Курляндскую губернии и, в отличие от стихийного движения 40-х годов XIX века, искусственно стимулировалось местными органами государственной власти. В 1883 году было присоединено к православию 2 469 крестьян Эстляндской губернии; в 1884 году в православие перешел 941 крестьянин (в основном эстонцы Эстляндской губернии, а также латыши в Талси); в 1885 году — уже 3 662 человека (из них 1 173 человека — в Курляндской губернии, остальные — в Эстляндской губернии); в 1886 году — 5 745 человек (687 человек в Лифляндской губернии, 1 081 человек — в Курляндской губернии, остальные — в Эстляндской губернии). В период с 1887 по 1894 гг. в православие перешли 9 968 жителей прибалтийских губерний. В результате, к 1895 году количество православных в прибалтийских губерниях составляло 241 948 человек (в основном — латышские и эстонские крестьяне). В 189 приходах Рижской епархии служили 228 священников, 39 диаконов и 370 псаломщиков. Большинство православных латышей проживали в Лифляндской губернии, там же находились и самые многочисленные латышские приходы.

При всей односторонности и даже противоречивости характеристик, даваемых латышскому населению середины XIX века представителями царской администрации, прежде всего, отмечались, как правило, такие черты характера местных крестьян, как миролюбие, спокойный нрав и терпение, но, в то же самое время, — упорство и даже настырность в достижении поставленной цели. Так жандармского офицера Щербачева, отвечавшего за порядок в Лифляндской губернии в середине века, особенно поразило терпение латышских крестьян: «Надобно удивляться многотерпению здешнего народа в перенесении не только жестокого, но даже жестокого обращения с ними господ владельцев, в особенности арендаторов имений. Во многом нахожу я здешний народ похожим с малороссиянином, так же терпелив, так же упрям, особенно латыши, и мстительно злы (так говорят, хотя я этому еще не верю)».

Интересную характеристику православным латышским крестьянам в середине XIX века дал Вольмарский (Валмиерский) благочинный о. Иоанн Пospelов. По его словам, православные латыши в этот период «только внешним образом выражали свое благочестие. Св. Крест и Св. Иконы почитают, но только в церкви, иконы имеют у себя дома немногие. Немногие соблюдают посты, ибо большая часть прихожан — работники и едят обыкновенно то, что даст им хозяин-лютеранин; не знают наших постов, больше таких,

которые говеют только несколько дней пред Св. Причастием. К богослужению приходят часто (там, где православные церкви удалены, а лютеранские рядом — ходят в кирхи). К Св. Таинствам приступают с усердием. Большинство причащаются два раза в год, но есть и такие, что три раза. Начальные истины веры, заповеди и молитву Господню разве редкие не знают». В конце XIX века Берзонский (Берзауне) православный латышский священник Иоанн Борман (Jānis Bormanis) записал, что отличительной чертой характера местного населения является его необыкновенное трудолюбие, «которое у латышей считается главным достоинством как мужчины, так и женщины. Латыши малообщительны, по характеру вялы, молчаливы, мрачны и недоверчивы, что, нужно думать, происходит главным образом оттого, что они живут отдельными, разбросанными дворами и смолodu свыкаются с одиночеством, с уединенной и однообразной жизнью. Каждый отдельный двор или усадьба — это свое самостоятельное царство». Другой православный священник — о. Иоанн Лебедев, служивший в конце XIX века в Лембургской (Малпилс) Покровской церкви, отмечал, что «при всех неблагоприятных обстоятельствах прихожане с Православием более и более свыкаются, более и более убеждаются в его истинности, по возможности поддерживают оное, ведут себя и в церкви более по православному, охотно принимают участие в пении церковном, приучаются покупать и свечи, не сетуют на то, что в церкви надо стоять, а не сидеть, а сие последнее находят даже неприличным; страшатся умереть без напутствия Св. Тайн. Все это до 1865-1866 годов замечать не было». Настоятель Лимбажской Александро-Невской церкви о. Георгий Аузинь писал в 90-х годах XIX века, что некоторые православные латышские крестьяне «не вполне твердо усвоили обычаи и обряды Православной Церкви, как-то: возжжение при богослужениях свечей, посты и т. д.; в строгом же соблюдении этих обрядов имеет главное значение живой долголетний пример, который обращается в навык, а такого примера у местных православных, перешедших в православие из лютеранства, не было». В начале XX века православный латышский священник Петр Лиепинь (Peteris Liepiņš) заметил, что православные латыши заметно отличаются от православных русских, однако это различие вполне объяснимо: «Православие среди латышей существует всего пятьдесят с небольшим лет, а до того времени латыши (говоря о массе) православных и не видели, следовательно, если не родители их, то деды их были обязательно лютеранами. Обращение имело, сколько известно, большею частью характер обрядовый, внешний... Когда латыши присоединились, только тогда их стали знакомить с православием, и если родители еще не окрепли в познаниях о вере православной и ее обрядах, то, естественно, не могут сразу приучить и детей своих к исполнению этих обрядов. Неудивительно, если родители сами не соблюдают поста, ежедневно не совершают утренних и вечерних молитв, редко полагают на себя крестное знамение и дети не приучены к этому... В латышском населении еще имеется протестантская закваска, которую необходимо искоренять». Вместе с тем о. Петр отметил высокий уровень религиозной нравственности среди православных латышей, их искренность в

вере и даже готовность ради нее на самопожертвование.

По словам епископа Рижского и Митавского в 1887-1897 года Арсения (Брянцева), основной особенностью Рижской епархии было то, что в ней «православные живут между лютеран и между людьми других вероисповеданий. Этих обитателей Прибалтийского края безмерное большинство сравнительно с православными. Какая же нужна осторожность, твердость и непоколебимость, чтобы это подавляющее большинство не поглотило нашего меньшинства». Необходимо учитывать и то, что латышские «православные, за исключением немногих, бедные и, в материальном отношении, зависимые от лютеран. А материальная зависимость имеет, несомненно, сильное влияние на духовную сторону человека. Имея это в виду, мы должны самоотверженно, с упованием на помощь Божию, трудиться для спасения людей, препопобедать встречающиеся препятствия силой веры, убеждения словом и делом, как истинные пастыри Церкви Христовой. Честь и благодарность ревнителям Православия!».

В 40-х годах XIX века одними из первых перешли в православие латышские крестьяне, проживавшие в окрестностях провинциального города Лемзаль (Lemsal, латышское название — Лимбажи, Вольмарский [Валмиерский] уезд Лифляндской губернии). Уже в мае 1845 года викарный епископ Рижский и Митавский Филарет (Гумилевский) поручил настоятелю Лимбажской Св. Александро-Невской церкви о. Стефану Меньшикову принимать латышей с прошениями о переходе из лютеранства в православие. Осенью 1845 года в Лимбажи в православие перешло 1 054 человек (в основном — окрестные крестьяне), в 1846 году — 672 человека, в 1847 году — 853 человек, в 1848 году — 87 человек. По словам самих крестьян, о. Стефан Меньшиков в 1845-1848 годах «не жалел своих сил и трудов, дни и ночи разъезжал по деревням, наставляя присоединившихся и приобретая новых прозелитов православия». 3 февраля 1846 года о. Стефан провел в Александро-Невской церкви первое богослужение на латышском языке. Впоследствии, учитывая национальный состав прихожан, в Лимбажи посылались лишь такие священники, которые не только могли проводить богослужения на латышском языке, но и свободно владели этим языком.

Замок Лемзаль (Lemsal, Лимбажи) был построен в 1223 году, в 1385 году Рижский архиепископ Иоганн IV даровал Лемзалю права города. Несмотря на то, что уже в XIV веке Лемзаль стал членом Ганзейского союза городов, его рост шел очень медленно. Развитие города задерживали многочисленные войны на территории Лифляндии и сопутствующие им пожары (в Лемзале — в 1558 году, в 1567 году, в 1602 году и др.). Наиболее опустошительным для Лемзала был пожар 27 августа 1747 года, в результате которого в городе осталось только 4 здания. В 1779 году в Лемзале проживало только 549 жителей.

Почти весь XVIII век в Лимбажи дислоцировался Угличский полк, для нужд которого служил полевой православный храм, освященный в честь небесного покровителя российского воинства — Св. Благоверного князя Александра Невского. В 1822 году полк вместе со своим

полевым храмом был переведен из города, и «из бывшего русского населения» был открыт самостоятельный Лимбажский приход. Первоначально в приход входила очень обширная территория. В частности, в Лимбажский приход входили такие города, как Вольмар (Валмиера), Венден (Цесис), Валк (Валка) и даже Феллин (Вильянди) (только в 1845 году в этих городах образовались самостоятельные приходы). Богослужения в Лимбажи с 1822 года совершались в 2-3-х комнатной квартире, отводимой магистратом. Это, разумеется, не удовлетворяло прихожан, поэтому решением Св. Синода, «по случаю значительного числа приписанных к г. Лемзалю мещан и рабочих греко-русского вероисповедания», в 1828-1830 годах за счет казны под руководством губернского архитектора Спацера был построен Лимбажский храм во имя Св. благов. кн. Александра Невского (освящен 20 мая 1830 года).

С целью уменьшения затрат на строительство Лимбажская церковь была построена частично на старом фундаменте бывшего казенного здания. Из-за нестабильности фундамента было решено не строить колокольню, а построить две деревянные башенки, в которых разместили колокола. Крыша церкви была покрыта железом и покрашена в зеленый цвет. Так как церковное здание было поставлено на склоне холма, со временем старый фундамент стал проседать и в здании появились трещины.

В 1822 году у Лимбажской православной церкви было 55 прихожан, в 1825 году — 113 прихожан, в 1828 году — 109 прихожан, в 1830 году — 317 прихожан, в 1836 году — 401 прихожанин, в 1841 году — 1 091 прихожанин, в 1846 году — 1 189 прихожан, в 1849 году — 1 256 прихожан, в 1856 году — 1 133 прихожанина, в 1860 году — 1 418 прихожан, в 1867 году — 1 553 прихожанина, в 1871 году — 1 394 прихожан, в 1875 году — 872 прихожанина, в 1879 году — 982 прихожан, в 1883 году — 951 прихожанин, в 1889 году — 989 прихожан, в 1895 году — 1 070 прихожан, в 1899 году — 1 193 прихожан, в 1902 году — 1 374 прихожанина, в 1905 году — 1 404 прихожанина, в 1908 году — 1 588 прихожан, в 1913 году — 1 798 прихожан, в 1915 году — 1 671 прихожанин, в 1929 году — 822 прихожанина, в 1932 году — 831 прихожанин, в 1933 году — 828 прихожан. Как писал в конце XIX века Лимбажский православный священник Георгий Аузинь, «Лемзальский приход по своему усердию к посещению храма Божия, по твердости в православии и ревности к исполнению его обрядов и таинств, нужно причислить к одному из лучших приходов в Лифляндии, состоящих из латышей».

В 1822 — 1823 годах Лимбажский храм обслуживали священники, присылаемые из Риги: о. Иоанн Никифоровский, о. Михаил Драгоценный и о. Терентий Устинский. Штатными настоятелями Лимбажского храма с 1824 года по 30-е годы XX века последовательно служили: в 1824 -1834 годах — о. Павел Невдачин; в 1835-1844 годах — о. Феодор Печерский; в 1844-1877 годах — о. Стефан Меньшиков; в 1877 — 1881 годах — о. Иоанн Пятницкий; в 1881-1882 годах — о. Мартин Микельсон; в 1883 — 1896 годах — о. Владимир Знаменский; в 1896 — 1913 годах — о. Георгий Аузинь; в 1913 — 1930 годах — о. Алексей Колосов; в

1931 — 1938 годах — о. Иоанн Бауманис, в 1939 — 1943 годах — о. Димитрий Околович.

Первая православная приходская школа в Лимбажи была открыта в 1845 году в квартире о. Стефана Меньшикова. В 1853 году школу перевели в помещение, арендуемое у Лимбажского бюргера Вирка. В 1861 году в школе обучалось 193 ученика, в 1862 году — 261 ученик. В 60-х годах XIX века в Лимбажском православном приходе существовали также семь вспомогательных школ. С 1870 по 1908 год в приходе действовала только одна приходская школа, ежегодное количество учащихся в которой было около 60 человек. С 1878 года приходская школа располагалась в двух старых домах по Большой Венденской (Cēsu, Цесисской) улице №140/33, купленных у Эрнста Кролля. В начале XX века, так как здания приходской школы находились в аварийном состоянии, занятия пришлось перенести в частную школу Александра Иванова, которая находилась на Парковой (Parku) улице, с 1913 года приходская школа находилась в арендуемых у Л. Лисманиса помещениях по адресу Гильдийская (Ģildes) улица №17. С начала Первой мировой войны приход Лимбажской Александро-Невской церкви был вынужден закрыть свою школу, так как не стало средств на ее финансирование.

Следует отметить, что в XIX веке большинство населения Лимбажи составляли латыши и немцы. По воспоминаниям учителя русского языка местной частной школы в начале 60-х годов XIX века в Лимбажи проживало только два русских семейства — семья православного священника и русского купца. В 1863 году в Лимбажи проживало 1 134 жителя, в 1881 году — 1 812 жителя. По Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в Лимбажи было 2 412 жителей, среди которых 1 793 человека были по национальности латышами, 348 — немцами, 29 — эстонцами, 5 — поляками и один — французом. По своей вероисповедальной принадлежности подавляющее большинство горожан (2 061 чел.) были лютеранами, православными себя считали 225 горожан, 159 человек были иудеями, 6 человек — католиками. Как писал в конце XIX века настоятель Лимбажской Св. Александро-Невской церкви священник Георгий Аузинь, среди жителей города «по национальности более всего латышей-протестантов и немцев, хотя относительно последних нужно заметить, что, за весьма небольшим исключением, все они онемечившиеся латыши... Разговорная речь — немецкая и латышская. Немцы составляют тесно сплоченную, дружную семью и управляют всеми городскими делами... Находясь вдали от железных дорог, город редко посещается начальствующими лицами, и старые прибалтийские немецкие традиции и порядки в нем еще очень сильны».

Среди тех, кто в 40-х годах XIX века был миропомазан в Лимбажской Св. Александро-Невской церкви, было много крестьян из окрестностей города и, в частности, из мызы (имения) Уббенорм (Умурга), расположенной в 7 км от Лимбажи. Поэтому в сентябре 1847 года было принято решение об открытии Уббенормского (Умургского) прихода. В приход вошли Уббенормская-Сарумская (Умургская-Сарумская), Катварская, Еркульская (Арциемская), Понкернская, Экская (Эйкажская), Вирценбергская, Тегажская (Тиегажская) и

Позендорфская (Поциемская) волости, на территории которых к 1847 году проживало 715 православных крестьян. По словам священника Константина Добшинского, служившего в Уббенормском приходе в 90-х годах XIX века, со дня основания прихода подавляющее большинство его составляли «работники, бобыли и ремесленники. Все они постоянного местожительства не имели и, в поисках за лучшим, меняли его каждую весну, проживая временно, обыкновенно не более года, батраками у лютеран — собственников».

Помещение под церковь удалось найти только в имении Позендорф (Поциемс), находящимся в 11 км от Умурги. С этого времени церковь располагалась в Позендорфе, хотя приход по-прежнему назывался Уббенормским. Первые богослужения проводились в крестьянской усадьбе Кураж (Позендорфской волости), принадлежавшей Михаилу Дрекслеру. Духовное ведомство в этой усадьбе арендовало две комнаты, в одной из которых проводились богослужения, в другой — ютился причт церкви. Там же, в усадьбе Кураж (Kuražas), в 1847 году была открыта и приходская школа. В этой школе преподавал владелец усадьбы крестьянин Михаил Дрекслер, который обучал детей латышской грамоте и молитвам. Официально приходская школа была открыта в 1850 году (в этом году в школе обучалось 15 детей). Постоянное помещение у Уббенормской приходской школы появилось только в 1878 году (также в Позендорфе). В 1851 году временный храм переехал в полумызу Катринен (около Поциемса), где также в аренду были сняты две комнаты (с 1853 года — четыре). Когда в 1862 году закончился арендный контракт, новый владелец имения Позендорф барон фон Вольф отказался его продлить, поэтому церковь была перенесена в крестьянскую усадьбу Абелит (Позендорфской волости), которая принадлежала Индрику Озолиню, лютеранину по вероисповеданию. В 1855 году там же в Позендорфе удалось купить землю под постройку церкви, и в 1874 - 1875 годах была построена каменная церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы. Строили храм архитектор Малов, инженер Дьячков и подрядчик Карл Клейн; церковь была освящена 26 октября 1875 года. Интересно отметить, что Успенский храм назывался Уббенормским (Умургским), хотя располагался в Позендорфе (Поциемсе) и уже в 1853 году православные самой Умурги (тогда — около 200 человек) были причислены к Лимбажскому Св. Александро-Невскому приходу, так как проживали ближе к Лимбажи, чем к Успенской церкви, хотя она и называлась «Уббенормской», то есть Умургской.

Среди умургских крестьян, перешедших в 1845-1848 годах в православие, была семья безземельного крестьянина Микелиса Гарклавса: он сам, его супруга Екатерина (1795-1864) и их дети — Александр (1832-1906), Янис (1837-1915) и Екатерина (в замужестве Килис, 1855-1910). Известно, что в середине XIX века при Лимбажской православной приходской школе, как ее филиалы, действовали 4 вспомогательные школы. Этими школами заведовали так наз. «перминдеры», которых избирали на приходском собрании. Перминдеры следили за тем, чтобы дети регулярно посещали школы, заботились о материальном обеспечении школ и, как правило, сами преподавали в тех школах, которыми заведовали. Их жалованье (если оно вообще

выплачивалось) в 50-х годах XIX века не превышало 30 рублей в год. Первых перминдеров в Лимбажском приходе избирали в 1853 году. И в этой связи впервые в исторических источниках появляется фамилия Гарклавс.

И, в частности, заведование вспомогательной школой в Катварской волости было поручено безземельному крестьянину Александру Гарклавсу, сыну Микелиса Гарклавса. Интересно отметить, что православные Катвари и Умурги до 1853 года были прихожанами Уббенормской (Умурской) Успенской церкви, тем не менее, в 1853 году уже в Лимбажском приходе Александра Гарклавса избрали перминдером. Это свидетельствует о том, что он имел определенный авторитет не только в своем бывшем приходе, но и среди прихожан Св. Александро-Невской церкви и был, разумеется, грамотным человеком. 30 октября 1855 года в Лимбажской Св. Александро-Невской церкви состоялось венчание Александра Гарклавса и Анны Закис (1835-1915).

Материальное положение Лимбажского и Уббенормского православных приходов было крайне тяжелым. Хронически не хватало средств на самое необходимое для содержание приходских школ, да и причты храмов терпели постоянные материальные трудности. Рассчитывать же на помощь прихожан, в большинстве своем безземельных крестьян и батраков, было невозможно. По мнению архиепископа Рижского и Митавского в 1848-1867 годах Платона (Городецкого), в 60-х годах XIX века многие православные латыши посещали ев.-лютеранские церкви «по отдаленности и тесноте временных православных церквей, есть между ними и такие, которые называют наши временные церкви хлевами и не хотят ходить в оные к Богослужению... Везде вообще ропщут на то, что для них доселе не построены настоящие церкви, хотя при присоединении их к православию обязаны были соорудить такие церкви». В 1866 году последовало распоряжение Александра II Министерству государственных имуществ о наделении причтов прибалтийских православных храмов землей из казенных имений — «по мере освобождения казенных мызных угодий из-под арендных контрактов», однако не давая этому никакой публичной огласки. Существенно улучшить материальное положение причтов это распоряжение не могло, так как в Лифляндской губернии было очень мало государственных имений. В результате до 1884 года из казенных земель было выделено только 8 311 десятин для причтов православных церквей Прибалтики и 2 087 десятин в пользу православных приходских школ.

О том, что Александр Гарклавс принадлежал к числу активных прихожан, свидетельствует и другое упоминание его имени в исторических источниках. Имение Сарум-Уббенорм было государственным. В 1872 году причтам Уббенормской и Лимбажской церквей было выделено 100, 4 десятин (по 50 дес. каждому) и 15,88 десятин на содержание приходских школ из земель казенного подмызка Уббенорм (Умурга). Кроме того, безземельным крестьянам этих приходов было нарезано 35 участков земли (около 10 десятин каждой семье). Среди этих крестьян был и Александр Гарклавс. Следует отметить, что желающих получить землю было очень много, поэтому кандидатов рекомендовал на-

стоятель прихода, после чего кандидатуры рассматривало приходское собрание. То, что А. Гарклавс получил землю, говорит о нем, как об одном из самых ревностных прихожан.

Распоряжение Александра II 1866 года имело, как для Лимбажского и Уббенормского приходов, так и для всех православных латышей в целом, скорее психологическую, чем практическую роль, вдохнув в них некоторую уверенность, что и о них правительство Российской империи также думает и пытается им помочь, однако, разумеется, не решило проблему обеспечения земель причтов и приходских школ, тем более православных крестьян, так как даже те немногие прихожане, которые получили землю, были вынуждены на своих маленьких участках земли только пытаться «сводить концы с концами». Как писал в конце XIX века Лимбажский священник Георгий Аузинь, «отведенные места по большей части не были годны для обработки... В некоторых выделенных православным крестьянам наделах половина земли находилась под болотом... Трудно было устроиться новым хозяевам, хотя казна и отпускала на первоначальное обзаведение строевой лес, но не было у них средств и недоставало рабочих сил, чтобы возвести более или менее удобные для хозяйства постройки. В большинстве случаев все хозяйственные пристройки подведены под одну крышу: жилая комната, хлев, рига, клеть и пр. Иногда можно встретить такое расположение помещений, что необходимо пройти чрез хлев, чтобы попасть в жилую комнату. Неудобны, некрасивы, грязны эти, на скорую руку сколоченные, крестьянские жилища и своим внешним видом свидетельствующие о бедности их хозяев. Да оно иначе и быть не может, так как малый надел, состоящий притом из неплодородной земли, не в состоянии прокормить более или менее многочисленную крестьянскую семью».

Подобные хозяйства просто не могли полностью обеспечить крестьянскую семью всем необходимым, поэтому члены семьи были вынуждены во время летних и осенних сельскохозяйственных работ, особенно во время уборки урожая и молотбы, наниматься на поденных принципах оплаты на всевозможные работы. В семье Александра и Анны Гарклавс было трое детей — дочь Элизабете (Елизавета, в замужестве Крузенберга, 1860-1948), сын Екаб (Иаков, 1863-1901) и дочь Анна (в замужестве Кисис, 1871-1947). Понятно, что участок в 10 десятин неплодородной земли позволял семье существовать только на грани голода. Вместе с тем, наличие своего «хозяйства» заставляло крестьянскую семью держаться за него, рождало эфемерную надежду когда-нибудь подняться вверх по социальной лестнице.

Несмотря на тяжелейшее материальное положение, на равнодушие царского правительства и местных органов государственной власти, отрицательное, а иногда даже враждебное отношение к православию со стороны прибалтийско-немецких землевладельцев и лютеранских пасторов, наконец — непонимание и насмешки со стороны лютеранских соседей, православным латышам, в том числе и семье Александра Гарклавса, удалось сохранить свою веру. В 80-х годах XIX века, с началом русификаторской политики в Прибалтике, правительство при помощи роста материального благосостояния Православной Церкви попыталось упрочить авторитет православия в регионе. Однако сама

русификаторская политика, в русле которой оказывалась материальная помощь Православной Церкви (строительство за государственный счет православных храмов и приходских школ, некоторое укрепление материального положения православных приходских школ, повышение жалованья причту храмов Рижской епархии и др.), потерпела в Прибалтике сокрушительное поражение. Вместо планируемого сближения латышей и эстонцев с «великой русской семьей» эта политика вызвала среди местного населения обратную реакцию. Если до начала реализации этой политики коренное население Прибалтики видело в царском правительстве потенциального союзника в борьбе с засилием привилегированного прибалтийско-немецкого меньшинства, то в ходе ее проведения латыши и эстонцы от лояльности переходят к недоверию правительству. Русификаторская политика нанесла болезненный удар по православным латышам и эстонцам. Несмотря на то, что духовенство Рижской епархии, в целом, старалось не вмешиваться в политические игры, среди местного населения распространялась мысль о политическом характере Православной Церкви, о православных латышах и эстонцах, как о «русских», и, как следствие этого, определенная индифферентность к православию. В результате, не получив от этой политики никакого улучшения своего материального положения, в психологическом плане православные латыши и эстонцы только проиграли. Если раньше их соотечественники смотрели на них с известной симпатией, как на страдальцев за веру, то с реализацией русификаторской политики они стали восприниматься своими соотечественниками как те, которые оставили свой народ в трудную минуту. И не поощрительные меры царского правительства и Св. Синода, щедрая государственная финансовая помощь сохранили и укрепили приходы Рижской епархии, не шумная мирская суета, далекая от духовных помыслов, а мудрое руководство епархией талантливыми архиереями, тихое, незаметное служение Господу и своей пастве приходского духовенства, стойкость и даже мученичество православных латышей и эстонцев, имевших «веру нелицемерную» (2 Тим. 1, 5).

Никакой стабильности в материальном положении семьи Гарклавсов не было. По сведениям за 1890 год, в усадьбе «Гарклавс», Умурга-Сарумской волости, была одна лошадь, две коровы, две овцы и одна свинья, то есть это было типичное бедняцкое хозяйство. 22 августа 1893 года в семье Гарклавсов произошло знаменательное событие — в Лимбажской Александро-Невской церкви состоялось венчание Екабса (Иакова) Гарклавса и Анны Лиепини (1866-1950). Невестка также была из семьи православных латышей, отличалась своим трудолюбием и богобоязненностью, однако материального достатка в дом мужа не принесла, так как была из семьи безземельных батраков. Скорее всего, молодые и познакомились во время работы у очередного хозяина, а, может быть, и в Лимбажской церкви, активными прихожанами которой они оба являлись. И после женитьбы Екабс и Анна Гарклавсы были вынуждены по-прежнему наниматься на подденные работы. Известно, что их первый сын Янис (в крещении Иоанн) родился 13

августа 1898 года в родительском доме. Однако их второй сын, Петерис (Петр), родился 18 февраля 1901 года уже в другом месте — в крестьянской усадьбе «Яниши», в которой работали Екабс и Анна. В свою очередь, осенью 1901 года семья проживала в крестьянской усадьбе «Яунрубени», которая находилась на окраине Лимбажи. Оба сына Екабса и Анны были крещены в Лимбажском православном храме. Анна всегда строго следовала всем церковным традициям. Показательно, что в записке, оставленной своим сыновьям, она особо выделила день крещения Яниса (6 сентября 1898 года), и тот день, когда закончились шесть недель после его рождения (4 октября). Следует отметить и то, что Екабс и Анна при найме на работу всегда оговаривали со своими хозяевами условие, чтобы их освобождали от работ в воскресные дни, так как они старались не пропускать воскресные богослужения в Св. Александро-Невском храме. Кроме того, обладая хорошим голосом (у нее был альт), Анна часто пела на клиросе.

Рядом с Лимбажским Св. Александро-Невским храмом Анна Гарклавс пережила и самое большое в ее жизни горе. 14 октября 1901 года семья Гарклавсов, как обычно в воскресный день, была на церковной службе. После службы Анна осталась в храме, чтобы одеть детей, а Екабс пошел на городскую коновязь, чтобы проверить лошадь, и не вернулся. Кто-то зашел в храм и сообщил Анне, что ее муж лежит рядом с телегой. Оказалось, что у Екабса остановилось сердце, и Господь призвал его к себе. Так Анна Гарклавс стала вдовой с двумя детьми на руках, старшему из которых, — Янису — было 3 года, младшему — Петерису — только 8 месяцев.

После кончины мужа Анна Гарклавс не вернулась в дом его родителей, а продолжала батрачить на разных хозяев, переходя из одной крестьянской усадьбы в другую. Трудно объяснить такой ее выбор: неприятием своей невестки родителей мужа или невозможностью родителей мужа как-то помочь ей и своим внукам (с родителями проживали семьи дочерей Элизабеты и Анны). Может быть, сама Анны Гарклавс не хотела принять помощь свекра. Во всяком случае, она предпочла для себя и своих малолетних детей мучительную стезю скитаний из одного чужого угла в другой.

Следует отметить, что в начале XX века общепринятая продолжительность рабочего дня для сельскохозяйственных работников в Лифляндской губернии была такова: с 1 апреля по 1 октября — от восхода до захода солнца, с тремя перерывами общей продолжительностью от 3 до 4 часов. То есть рабочий день составлял около 15 часов. Принцип «от рассвета до наступления темноты» сохранялся также и зимой, но часто, особенно в осеннее время, от этого принципа отступали. Уже во время революции 1905 года сельскохозяйственные рабочие Вольмарского (Валмиерского) уезда потребовали «продлить время, даваемое на обед, с двух до трех часов», однако это требование было отклонено, так как, по мнению крестьян-дворохозяев, удовлетворение его вредно отразится на состоянии сельского хозяйства. В Вольмарском (Валмиерском) уезде батрачки получали 120-130 рублей в год, плюс натуральные прибавки

(кроме харчей и жилья): право держать овец, получить не-большое количества льна, мыло, постолы (кожаные лапти).

Думается, что по отношению к Анне Гарклавс даже эти тяжелейшие положения не всегда соблюдались, так как, имея на руках двух малолетних детей, она была вынуждена наниматься на работу на любых условиях, выдвигаемых хозяином. Во всяком случае, понятно, что сыновья видели свою мать в основном за работой. И в этих условиях единственным праздником, самым светлым днем жизни было посещение храма. Эти дни были не только днями богослужений и молитвы, но и теми мгновениями, когда мать не была занята работой и могла целиком посвятить себя общению со своими сыновьями. Как писал в 1933 году в автобиографии Янис Гарклавс, «отец умер в 1901 году и после своей кончины меня и моего младшего брата оставил на попечении матери. Мать, будучи по своей природе тихой и богобоязненной, перенесла свою судьбу с терпеливой надеждой, что Всесильный Отец Небесный не оставит нас в тяжелые минуты. Будучи по своей природе очень набожной, мать, посещая в воскресные и праздничные дни церковь, брала также и меня с собой и поэтому уже с раннего детства воспитывала меня в вере и любви к Господу и Его св. Церкви. На всю жизнь, как священные, остались в моей памяти те мгновения, когда, возвратившись из храма, я спрашивал маму об услышанном. Она рассказывала мне о Господе, который открылся человечеству, полному греха и зла через нескончаемое прощение и любовь Иисуса Христа. Кроме того, она учила меня молитве, а также, как большая любительница церковного пения, учила и петь, так как сама в юности принимала участие в церковном хоре. Эти святые часы были теми мгновениями, которые укрепляли меня и вели в течении всей моей жизни до настоящего времени». Известно, что Анна Гарклавс прекрасно знала Библию, которую перечитывала всю свою жизнь, поэтому, разумеется, именно мать первой познакомила своего сына Яниса с ее содержанием.

По Первой Всероссийской переписи населения в 1897 году в Лимбажи проживало 225 православных. Однако большую часть общины Св. Александро-Невской церкви составляли не горожане, а крестьяне близлежащих к городу волостей, поэтому общее количество прихожан к началу XX века было более тысячи человек. Старая Св. Александро-Невская церковь уже не могла вместить всех молящихся. Кроме того, к этому времени церковное здание так обветшало, что требовало большого капитального ремонта. В конце XIX века Лимбажскую православную церковь обследовали епархиальный архитектор В.И. Лунский и архитектор (с 1899 года — епархиальный архитектор) О. Бар. Они констатировали, что потолок в алтарной части храма совсем прогнил, в стенах храма образовались глубокие трещины, а колокольня сильно осела. В своем заключении архитекторы пришли к выводу, что старый храм находится в таком бедственном техническом состоянии, что не подлежит восстановлению.

В качестве проекта нового Лимбажского православного храма В.И. Лунский предложил свой проект, уже реализованный при постройке храма во имя сщмч. Исидора Юрьевского в Валге (освящен 18 октября 1898 года). Валгский храм был построен в форме креста со встроенной коло-

кольней в так называемом «русском стиле», с ориентацией на храмовую архитектуру XVII века. Этот проект, внеся в него частные видоизменения, обусловленные, видимо, культурными традициями заказчика, то есть латышской православной общины, В. Лунский и О. Бар взяли за основу при строительстве нового Лимбажского храма. Участок земли, принадлежавший Лимбажскому православному приходу, не позволял разместить на нем два храма, поэтому было решено строить новый храм на месте старого. Старый храм в 1900 году был снесен, и под руководством строительного подрядчика М. Шурина началось возведение нового храма на 600 человек и маленькой сторожки рядом с ним. Во время сооружения нового храма богослужения совершались в доме А. Лисманиса по улице Гильдийской 17. Новый Лимбажский храм был освящен во имя Св. благоверного князя Александра Невского 26 октября 1903 года епископом Рижским и Митавским Агафангелом (Преображенским, 1854-1928, святитель, память 3 октября и в Соборе новомучеников и исповедников Российских).

Грациозный, легкий, устремленный ввысь храм удачно вписался в застройку центра города и стал предметом гордости его прихожан. Вызывало восхищение тщательная проработанность архитектурной формы, начиная с общих очертаний фасада и кончая невесомым балконом в подкупольном пространстве, нарядный пластический декор фасадов, проемов окон, богатство интерьера. Внутри храм был расписан яркими росписями, ажурный деревянный иконостас украсил его алтарную часть. Интересно отметить, что церковная ограда была сложена из кирпича старого храма.

Революция 1905-1907 годов, бурно прокатившаяся по территории Лифляндской губернии, Лимбажи и его окрестности затронула уже осенью 1905 года. Как и всюду, и в Лимбажи тон задавала местная группа Латвийской социал-демократической рабочей партии, руководимая Янисом Грече и Артурсом Бахманисом. 23 октября началась забастовка на единственном промышленном предприятии города — фабрике А. Тила (75 рабочих). Около городской гостиницы прошел шумный митинг, разогнанный полицией. Жертвой этого столкновения стал рабочий Екабс Лидакс, похороны которого 26 октября вылились в широкую демонстрацию. Деятельность городских органов власти была полностью парализована. 30 октября на рыночной площади Лимбажи прошел четырехтысячный митинг, который потребовал вывести из города войска, распустить полицию, закрыть все трактиры и запретить продажу спиртного. Были созданы отряды народной милиции. В волостях вокруг Лимбажи крестьяне избирали распорядительные комитеты, которые брали власть в свои руки. Волнения удалось подавить в конце 1905 года. 27 декабря в Лимбажи прибыла карательная экспедиция, в городе был введен комендантский час, а руководители волнений арестованы. Артурс Бахманис был заключен в городскую тюрьму и 12 января 1906 года расстрелен на незастроенной части Парковой улицы. В Умургской волости каратели арестовали всех членов волостного распорядительного комитета и сожгли несколько крестьянских домов.

Следует отметить, что Православная Церковь была единственной религиозной конфессией Прибалтики, кото-

рая в событиях 1905-1907 годов пыталась руководствоваться не политическими интересами, а христианскими законами. Когда в Прибалтике свирепствовали карательные экспедиции и военно-полевые трибуналы, руководство Рижской епархии твердо и последовательно встало на сторону гонимых. В результате ходатайства архиепископа Рижского и Митавского Агафангела (Преображенского) в январе 1906 года были освобождены из-под ареста и оправданы военно-полевым трибуналом псаломщик Иоанн Индриксон, староста православной церкви и несколько учителей лютеранского вероисповедания мызы Мерьяма (Эстляндская губ.). Впоследствии, благодаря личному участию православного духовенства, были спасены от ареста и наказания десятки жителей прибалтийских губерний. Архиепископ Агафангел обратился к настоятелям церквей Рижской епархии с просьбой сделать все для защиты «невинных или раскаивающихся в своих прегрешениях», независимо от того, к какому лагерю они принадлежали: «Открыть же действительно виновных и оградить невинных от насилия и мести со стороны злонамеренных людей представляет, при всеобщем возбуждении умов, растерянности мирного населения, нарушении правового порядка жизни и управления в сельских местностях, задачу чрезвычайно трудную. Поэтому, естественно, могли быть прискорбные случаи наложения наказаний, нередко страшно тяжелых, на людей невинных или виновных, но не настолько, чтобы быть наказанными по всей строгости законов военного времени... Я поручаю вам, отцы настоятели, если по вашему искреннему убеждению, свидетельствуемому иерейскою совестью и долгом священнической присяги, кто-либо из ваших прихожан, или даже и инославных, но лично вам известных, будет невинно привлечен к ответственности по обвинению в противоправительственной деятельности и участии в бывшем революционном восстании, а также в тех случаях, когда к сей ответственности будут привлекаться лица заведомо доброго направления и вообще благонадежные, но увлеченные в эту деятельность угрозами, насилием и боязнью мести со стороны агитаторов восстания, представлять пред местными военными и гражданскими властями и смиренно просить об освобождении от ответственности первых и об облегчении участи и помиловании вторых». Священники горячо откликнулись на призыв своего архипастыря и «без шума, тихо, с терпением и христианской любовью потрудились во спасение ближних пред мирскими властями». В то время, когда многие ев.-лютеранские пасторы, боясь разъяренной толпы, бросали свои приходы и бежали в города под защиту войск, православные священники оставались со своей паствой, пытались успокоить взбунтовавшуюся толпу (Марциенский священник Петр Гринвальд и др.), выходили навстречу карательным отрядам и не пускали карателей на территории своих приходов (Вецсалацкий священник Карп Грундулис и др.), становились в строй расстреливаемых карателями крестьян, предотвращая расстрелы невинных. Следует отметить, что одной из самых распространенных форм борьбы социал-демократов в 1905-1907 годах в Прибалтике были так называемые «церковные демонстрации», во время которых партийные агитаторы срывали богослужения, разбрасывали прокламации и

выступали с революционными речами. Показательно, что «церковные демонстрации» затронули только ев.-лютеранские церкви. Все попытки провести их в православных церквях встречали решительный отпор со стороны прихожан.

Во всех приходах Рижской епархии, в том числе и в Лимбажском, осенью-зимой 1905 года наблюдалось снижение активности прихожан в посещении храмов. Однако это явление было лишь временным, вызванным не только агитацией социал-демократов, но и распоряжением местных органов власти об обязательном присутствии на всех публичных мероприятиях, в том числе и на богослужениях, полицейских, что, разумеется, вызывало протест со стороны молящихся. Только 25 августа 1906 года было принято распоряжение Министерства внутренних дел о необязательном присутствии в прибалтийских губерниях нарядов полиции на всех богослужениях, а только по просьбам настоятелей приходов.

24 января 1906 года архиепископ Агафангел выступил еще с одной инициативой: «В несчастные дни бывшего революционного движения в Прибалтийском крае многие семьи православных латышей и эстов, а также и русских, лишились своих кормильцев и обнищали, немало осталось и круглых сирот. По чувству любви и христианского благотворения и по долгу пастырства, желая придти на помощь этим несчастным чадам Богом врученной нам паствы, я признаю нужным образовать для сей цели, под своим председательством, Комитет из духовных и светских лиц. Средствами для этой помощи могли бы служить отчисления, хотя бы и небольшие, из сумм церквей и церковно-приходских попечительств и пожертвования Братств, Благотворительных обществ и частных лиц». Во всех церквях епархии, в том числе и в Лимбажской Св. Александро-Невской церкви, был объявлен сбор пожертвований в пользу «Комитета для сбора пожертвований в пользу православных семейств, пострадавших от беспорядков в Прибалтийском крае». По распоряжению архиепископа Агафангела от 20 марта 1906 года на нужды «Комитета» были выделены средства из церковно-приходских капиталов, в результате чего многим пострадавшим от волнений удалось оказать материальную помощь.

17 апреля 1905 года была объявлена свобода вероисповедания. По подсчетам ев.-лютеранских консисторий, после принятия этого закона по меньшей мере 50 тысяч латышей и эстонцев должны были отойти от православия. Эти прогнозы не оправдались, православие покинули только 3 тысячи человек, однако следует отметить, что в период революции 1905-1907 годов, благодаря «смутным настроениям, падению заработков, росту вольномыслия, безбожия и антирелигиозной пропаганды печати», понесли потери все религиозные конфессии Прибалтики, а не только одна Православная Церковь. Вместе с тем и после 17 апреля 1905 года численно небольшой, но постоянный переход местного населения из лютеранства в православие сохранялся. Духовенству Рижской епархии в этот сложный для Церкви период успешно удалось справиться с трудностями, вызванными революционными волнениями, и удержать свою паству.

События 1905-1907 годов не затронули Анну Гарклавс и

ее сыновей. Ей было не до бунтов, нужно было постоянно заботиться о хлебе насущном. Скучное, даже нищенское существование семьи заставило Яниса Гарклавса начать работать уже с семилетнего возраста. Четыре года он проработал пастухом, пока, наконец, его не смог заменить младший брат Петерис, а самому Янису удалось исполнить свою заветную мечту — поступить в Лимбажскую православную приходскую школу. Плата за обучение в приходской школе для детей православных родителей тогда была чисто символической — 1-1,5 рубля в год, однако для Гарклавсов все четыре года учебы Яниса в школе всегда было проблемой вовремя заплатить эту сумму. Кроме того, было трудно «снарядить» мальчика в школу, так как выход в город требовал наличия обуви, соответствующей ученику одежды и т.п.

В этот период в Рижской епархии действовало 478 православных школ (в том числе 19 приходских двухклассных, 201 приходская одноклассная и 258 вспомогательных школ). С 1873 года православные школы были подчинены Министерству народного просвещения. В начале XX века министерство ежегодно выделяло на содержание школ Рижской епархии 32 190 рублей. Кроме того, Св. Синод ежегодно выделял еще 10 000 рублей на аренду школьных помещений. Таким образом, Училищный Совет Рижской епархии мог отпустить на содержание каждой школы не более 88 рублей в год. В эту сумму входили расходы на учительское жалованье (в Рижской епархии оно колебалось в пределах от 30 до 120 рублей в год), аренду школьных помещений, приобретение учебных принадлежностей, освещение и отопление школьных зданий и др. Духовенство регулярно жертвовало свои личные средства на содержание школ. Периодически в храмах объявлялись сборы пожертвований на нужды школ, однако среди православного населения прибалтийских губерний практически не было состоятельных людей, поэтому пожертвования не могли решить проблемы. Средств на содержание школ катастрофически не хватало. Из года в год школьные инспекторы, при оценке материального состояния православных школ Прибалтики, употребляли один и тот же эпитет — «обездоленная православная школа». Однако, несмотря на все трудности, в православных приходских школах был высокий уровень преподавания учебных предметов, особенно русского языка. Поэтому многие инославные родители предпочитали отдавать своих детей в православные школы, а не в школы своего вероисповедания.

С 1870 года при каждой православной приходской школе, в том числе и при Лимбажской, были созданы Училищные попечительства. Предполагалось, что, помимо решения хозяйственных вопросов, попечительства приложат максимум усилий для улучшения учебного процесса. Однако на практике основной их заботой был поиск дополнительных источников финансирования. Для Лимбажской приходской школы этот вопрос был крайне болезненным, так как с 1910 года, в связи с аварийным состоянием приходского здания, школа была вынуждена за сравнительно высокую плату арендовать помещения. Средства, отпускаемые Училищным Советом епархии, не покрывали полностью арендную плату, поэтому Училищное попечительство постоянно было озабочено только финансовыми вопросами.

Лимбажская православная приходская школа считалась одноклассной с 4-м годичным циклом обучения. Так как большинство учеников школы были из крестьянских семей, учебный год в ней длился 6 месяцев — с 1 октября по 1 апреля, то есть в период, когда не было основных полевых работ. У школы не было общежития, поэтому Янис Гарклавс был вынужден в дни занятий проходить около 6 км от дома до школы и еще 6 км обратной дороги. Дети учились 6 дней в неделю, выходными днями считались воскресные и праздничные дни. В среднем ежедневно было 5-6 уроков. Распоряжением Министерства народного просвещения в прибалтийских начальных школах первые два года обучения должны были проходить на местном языке, остальные — на русском языке, кроме уроков по Закону Божию и церковному пению, которые все годы обучения преподавались на местных языках. В одноклассных приходских школах действовала следующая сетка учебных часов: Закон Божий — 6 уроков в неделю; родной (латышский) язык — 4 урока в неделю на первых двух годах обучения, 1 урок на 3 и 4 годах обучения; русский язык — 10 уроков в неделю; арифметика — 6 уроков в неделю на первых трех годах обучения, 5 уроков на 4 году обучения; история — 3 урока в неделю на 3 и 4 годах обучения; география — 2 урока в неделю на 2-4 годах обучения; естествознание — 1 урок в неделю на 3 году обучения и 2 урока на 4 году обучения; рисование — 1 урок в неделю на 3 и 4 годах обучения; чистописание — 3 урока в неделю на 1-2 годах обучения, 1 урок на 3-4 годах обучения; церковное пение — 3 урока в неделю; церковнославянский язык — 2 урока в неделю на 3-4 годах обучения. Особенное внимание в приходских школах уделялось преподаванию Закона Божиего. Как подчеркивал в начале XX века архиепископ Рижский и Митавский Агафангел (Преображенский), духовенство должно «усердно работать в школе, сея в детских сердцах семена православной веры и благочестия». Необходимо «обращать особенное внимание на Закон Божий, поставить в школе на подобающую высоту и церковное пение, так как оно одно из сильнейших средств воспитательного воздействия в православном направлении».

Янис Гарклавс вспоминал годы, проведенные в приходской школе, как «самые светлые мгновения детства». Особенно нравились ему уроки по Закону Божию, которые проводил настоятель Лимбажской Св. Александро-Невской церкви о. Георгий Аузинь. По словам Яниса Гарклавса, о. Георгий был очень строгим преподавателем, однако «я навсегда ему благодарен за его строгость». На всю жизнь Янису запомнился восторг, охватывавший его от пения в церковном хоре, в котором участвовали те ученики школы, которые имели музыкальный слух и обладали хорошими голосами. Будучи учеником приходской школы, Янис читал в храме «Часослов», «Апостола» и прислуживал во время богослужения.

Выпускники приходских школ могли продолжить свое образование в городских училищах. Правда, по свидетельству о. Георгия Аузиня, в городских училищах Лимбажи «православных учеников обучалось весьма мало, вследствие высокой платы за учение, отчасти же и потому, что

означенные училища по сие время заведуются немцами-лютеранами, недоброжелательно относящимся к православному». Однако, разумеется, такая возможность была и у Яниса Гарклавса, тем более, что по всем учебным предметам он получал оценки не ниже 4 («хорошо»), однако, учитывая уровень материального достатка в семье Гарклавсов, дальнейшая учеба мальчика была несбыточной мечтой. По решению матери, Янис был вынужден зимой 1912 года прервать учебу, закончив только учебную программу первого полугодия последнего года обучения в приходской школе. Было решено, что сыновья должны «выбиться в люди», то есть научиться ремеслу: Янис — портняжному, Петерис — сапожному. В конце 1912 году Янис поступил на работу учеником портного в мастерскую по пошиву мужской одежды Гайлиса, которая находилась на окраине Лимбажи. Помимо специальности, которую он должен был получить в этой мастерской, для его матери было крайне важным и то обстоятельство, что ученики получали бесплатное питание, а также небольшую зарплату.

Следует отметить, что Лимбажи в начале XX века был городом ремесленников. По Первой Всероссийской переписи населения 1897 года в Лимбажи проживало 2 412 жителей, из которых 48 работали столярами, 27 — кузнецами, 3 — гончарами, 3 — «изготовителями напитков», 8 — рабочими типографий, 9 — ювелирами и часовщиками, 59 — строительными рабочими, 12 — мясниками и пр. Особенным спросом пользовалось портняжное ремесло, которым занималось 172 человек. По свидетельству о. Георгия Аузиня, записанному в начале XX века, «большинство населения города составляют ремесленники: кузнецы, сапожники, красильщики, швеи и т. д., работающие для окрестностей города, и мелкие торговцы. Чиновников, в особенности русских, очень мало».

Несмотря на процесс индустриализации, охвативший Лифляндскую губернию в конце XIX века и вызвавший стремительный рост городов, Лимбажи и в начале XX века продолжал оставаться маленьким провинциальным городом. Как писал священник Георгий Аузинь, в начале XX века Лимбажи был «довольно чистеньким городком с мощеными улицами, в особенности скрашивают его иногда невзрачные домики множество садов». Индустриализация затронула и Лимбажи, но не в такой степени, как промышленные центры Прибалтики. В 1909 году всю промышленность города составляли фабрика-прядильня А. Тила, лесопильня, две фабрики по производству лимонада и сельтерской воды, типография и две ветряные мельницы. Накануне Первой мировой войны в Лимбажи проживало около 4 700 человек. Развитие города тормозилось отсутствием современных путей сообщений. В 1914 году был подготовлен проект строительства железной дороги Рига — Царникава — Лимбажи — Руиена, однако из-за начала военных действий реализация этого проекта была отложена. В результате, железная дорога дошла до Лимбажи только в 1934 году.

В начале 1914 года один из православных священников Рижской епархии написал удивительную статью, поражающую своим пророческим содержанием: «Наступил новый 1914 год... Что он нам принесет? Будет ли он годом мира, спокойной работы и движения вперед, или же в нем таятся

скорби, волнения, а, может быть, и катастрофы... Едва ли спокойно и без тревоги может взирать на будущее православное духовенство, пастыри Русской Церкви». 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России, Лифляндская губерния перешла на военное положение и «ряды цветущих граждан нашего Отечества поредели, но умножилось число граждан небесных, цветущих неувядаемо».

По словам настоятеля Лимбажской Александро-Невской церкви о. Алексия Колосова (1864-1935), «война вошла в мирную нашу жизнь внезапно... Утром 19 июля по углам улиц Лемзала были расклеены объявления о призыве низших чинов запаса, поставки лошадей в войска, повозок, упряжи, словом, о приведении армии и флота на военное положение... Хотя и объял всех страх, тем не менее местное население, по преимуществу латыши, встретили дерзкий вызов с достоинством... Никакого недовольства, ни ропота по случаю мобилизации и призыва не было: они встретили это как должное и нужное... Вера в победу была непоколебимая...». В Лимбажи «в самом начале войны дух патриотизма латышей вылился в ряде манифестаций, из которых первая состоялась 23 июля, а вторая 26 июля вечером по поводу объявления войны с Австро-Венгрией. Впереди многочисленной толпы несли портрет Государя Императора с множеством национальных флагов при пении попеременно «Боже, Царя храни!» и «Dievs, svēti Latviju!» и мощное «ура!!!». Манифестации сопровождалась возгласами «Долой немцев!».

Война ворвалась и в размеренный ритм жизни Лимбажского Александро-Невского храма. 27 июля в храме, после совершения Божественной Литургии, был прочитан Высочайший манифест о начале военных действий против Германии. 30 августа был прочитан манифест о войне с Австро-Венгрией, 26 октября — манифест о военных действиях против Турции. С начала войны члены причта Лимбажского храма приняли решение ежемесячно перечислять на военные нужды 2% своего жалованья. За каждым богослужением возносились молитвы о даровании победы российскому воинству, регулярно проводились кружные сборы пожертвований в пользу Красного Креста.

Сразу же с началом войны православная община Лимбажи взяла на себя заботу о семьях тех, кто был призван на фронт. 20 июля был создан Попечительный Совет Лимбажского православного прихода, который занимался сбором пожертвований в пользу семей фронтовиков. Совет оказывал также материальную помощь прибывавшим в Лимбажи эвакуированным и беженцам, а осенью 1914 года собрал белье для открытого в городе 5 октября военного лазарета.

Первые раненные поступили в Лимбажи 8 октября 1914 года, и сразу же шефство над ранеными взял на себя Дамский Совет Лимбажского Александро-Невского прихода. Уже в декабре 1914 года в братскую могилу, оборудованную на Лимбажском православном кладбище, был погребен первый солдат, умерший в местном военном лазарете — унтер-офицер 224 Уфимского пехотного полка Ф. Г. Савельев. Впоследствии погребение умерших от ран российских солдат стало обыденным явлением. Кроме того,

на Лимбажском старом кладбище было отведено специальное место для погребения умерших военнопленных. На этом кладбище были похоронены 16 австрийских солдат.

Чем дальше, тем больше война втягивала все население Лимбажи. В конце 1914 года Лимбажский священник Алексей Колосов записал: «Много утрат несло население от войны, не было семьи, которая не послала бы борцов на поле брани в лице ли отца, брата, мужа или близкого родственника, но сознание необходимости войны примиряло их со всеми жертвами, вызванными войной... Среди православного населения был замечен высокий подъем религиозной настроенности. Уже одно то, что заклятый враг — немец стремительно приближался к родной нам Курляндии, невольно побуждало каждого забыть все и отдаться всем своим достоянием к удержанию врага в дальнейшем следовании его...». Люди стали серьезнее, преисполнились важностью происходящего, поэтому, несмотря на падение уровня жизни, «...случаи хулиганства, ссор, преступности даже в рыночные и ярмарочные дни уменьшились до минимума».

Весной 1915 года российские войска терпят одно поражение за другим. В апреле 1915 года германская армия вторглась в Западную Литву и через нее — в Курляндию. Курляндскую губернию предполагалось оставить врагу разоренной и без гражданского населения, поэтому полмиллиона человек по распоряжению военного командования эвакуировалось или просто бежало от наступающей германской армии. Немцев удалось остановить только в июле 1915 года на линии Скайсткалне — Бауска — Елгава — Слока. Уже летом 1915 года началась эвакуация промышленных предприятий и ценностей из Лифляндской губернии вглубь России. До начала сентября германская армия заняла всю Восточную Земгале до реки Даугавы и Илуксте. 10 октября, после ожесточенных боев, российские войска оставили Илуксте, и к зиме 1915 года германская армия находилась уже на подступах к Риге. В результате вся Лифляндская губерния, включая Лимбажи, стала прифронтовой зоной, которая переполнилась солдатами почти полумиллионной 12 Армии и курляндскими беженцами. Чуть ли не все трудоспособное население губернии привлекается в это время к выполнению землянных работ — строительству укреплений, дорог и т.п. Осенью 1915 года в Лимбажи и его окрестностях были расквартированы 1-ый и 2-ой Прибалтийские конные полки, 224 Уфимский пехотный полк, отдельные части сибирских полков, а также многочисленные обозы и военные лазареты.

Лимбажскую Св. Александро-Невскую церковь эвакуация коснулась только осенью 1917 года, когда по распоряжению военных властей с храма были сняты все колокола и отосланы на Московский артиллерийский склад. Туда же эвакуировали и 4 ящика с люстрами, подсвечниками, брачными венцами, металлическими хоругвями, лампадами и др. Архив церкви и самое ценное церковное имущество были эвакуированы в Новгородский Свято-Духовский женский монастырь. Кроме того, были эвакуированы псаломщики и учителя местной приходской школы, в результате чего школу пришлось закрыть.

Записи Лимбажского православного священника за 1915 год скупы и лаконичны: «С наступлением лета Богу

было угодно послать нашему оружию испытание и отнять у него результаты прежних побед. Началось отступление, а вместе с тем и утрата бодрости... Дни шли за днями, а военные наши обстоятельства не улучшались».

Весной 1915 года в латышском обществе стремительно распространяется идея, что стабилизировать фронт на территории Латвии смогут латышские военные формирования, более того, они будут способны увлечь за собой остальные российские части и вытеснить немцев из Курляндии. Эту идею активно пропагандировала инициативная группа латышской интеллигенции во главе с депутатом IV Государственной Думы Я. Голдманисом. Во главе с Я. Голдманисом был создан Организационный комитет. 19 июля Я. Голдманис вместе с другим латышским депутатом Государственной Думы Я. Залитисом опубликовал воззвание «Собирайтесь под латышскими знаменами!», в котором призвал «сынов Латвии» встать на защиту своей Родины: «...Враг превратил наши дома в пепел и наши города в развалины. Наши старики и дети, матери, жены и дочери все еще бегут от жестокого преследователя. Они ждут нашей защиты. Братья, час пробил. Кто верит, тот победит...». Наконец, в августе 1915 года командующим Северо-Западным фронтом генералом М. В. Алексеевым был подписан приказ о формировании латышских стрелковых батальонов.

Патриотический подъем среди латышского населения был таким высоким, что уже в 1915 году в ряды стрелков вступило 6 292 добровольца. Кроме того, многие латыши, прежде всего офицерский состав, переходили в батальоны из других частей российской армии. В ноябре 1916 года батальоны переформировали в двухбатальонные полки, объединенные в две бригады (по 4 полка в бригаде, в целом в двух бригадах к концу 1916 года было более 35 тысяч человек. Плюс — резервный полк, численный состав которого колебался в пределах 10-15 тысяч человек). Лимбажский священник Алексей Колосов так описал эти события: «Особенно вера в благополучный исход войны укрепилась, когда стараниями члена Государственной Думы г. Голдмана было получено разрешение организовать отдельные латышские стрелковые батальоны, привлекая в них участников из других частей латышского происхождения и из добровольцев. В состав сих батальонов охотно отправлялись все способные к несению оружия». Свою жизнь во время Первой мировой войны Янис Гарклавс в автобиографии, написанной в августе 1933 года, описал предельно кратко: «Началась Великая мировая война, которая сильно взволновала мою молодую душу, как взволновала все государства и народы. Появился удобный случай принести себя в жертву чему-то возвышенному, прекрасному, принести себя в жертву своему народу и Отчизне, грудью встать против злейшего врага моего народа. Так как я был очень молод, мать запретила мне это сделать, но через полтора года я свою цель достиг и получил от матери разрешение поступить в качестве добровольца на воинскую службу». Интересно отметить, что 19 ноября 1914 года Янис Гарклавс выхлопотал себе в волостном управлении так называемый «белый паспорт» (на 1 год), позволяющий свободно передвигаться по территории Российской империи. Спрашивается, — куда в военное время

собрался ехать юный ученик портного? Видимо, действительно, он (в возрасте 16 лет!) мечтал попасть на фронт.

О своей службе на фронте Гарклавс написал только одно предложение: «Был принят в 8 Валмиерский полк латышских стрелков и прослужил в вышеупомянутом полку до падения Риги или, иными словами, до развала Российского государства». Как известно, последние российские войска оставили Ригу 21 августа 1917 года. Таким образом, Янис Гарклавс прослужил в 8 Валмиерском полку с начала 1916 года по август 1917 года. Конечно, он участвовал в кровопролитных «Рождественских боях» конца 1916 — начала 1917 года. В ходе этих боев валмиерцы понесли тяжелейшие потери, и полк был отправлен на переформирование. Он прослужил в полку до августа 1917 года, то есть, вероятно, перешел в другую часть после боев на Малой Югле, когда уже большинство латышских стрелков поддерживало большевиков. Учитывая то, что впоследствии никогда и никому Янис Гарклавс не рассказывал о войне, вероятно, его юношеский порыв очень скоро угас в потоках крови и грязи, к которым добавилась большевистская пропаганда, захлестнувшая латышские полки с весны 1917 года, и наступило жесточайшее разочарование. Война дала ему, во-первых, осознание ничтожности и мимолетности всего земного, материального, во-вторых, — опыт выживания в любых, даже самых нечеловеческих условиях, который в дальнейшем ему очень пригодился.

Тем временем волнения, захлестнувшие всю территорию Российской империи, докатились и до родного города Яниса Гарклавса. По словам Лимбажского православного священника Алексия Колосова, 6 марта 1917 года «войсками местного гарнизона на городской площади был устроен митинг, на котором, после зажигательных речей заправил, решено было разоружить полицию, к чему, несмотря на увещание начальства, было приступлено с криками «урра!». Канцелярии городского надзирателя и младшего помощника уездного начальника по III участку были перевернуты верх дном, документы и архивы разорваны в клочья, сожжены в печке, портреты Государя затоптаны в грязь, заключенные в участках были отпущены на свободу, квартиры полицейских обысканы, причем не брезглили взять себе на память, что оказывалось сподручным... Таким образом самодержавный строй сошел с исторической сцены, сдав свои позиции народному представительству со всею полнотою законодательной, исполнительной и судебной власти. Но на смену народовластию не замедлило появиться единовластие коммунистической партии, т. е. избранной части рабочего пролетариата в форме большевистского режима, который в грязь втоптал наиболее священные демократические свободы: бессословность, равноправие, свободу совести, слова, собраний, наконец, — семью, религию и частную собственность». Весной—летом 1917 года в стоявшей в Лифляндской губернии 12-й армии «исполнительные солдатские комитеты, в состав которых вошли неучи, офицеров отставили, а на место их поставили фельдфебелей себе в руководители. Полковые священники были изгнаны, утренние и вечерние молитвы и вообще молитвы совсем были вытеснены из казарм, как ненужные. Походные цер-

кви и их имущество уничтожались и разграблялись. Иконы выбрасывались и выставались на осмеяние. Особенно трудное время переживали офицеры, над которыми немилосердно издевались, публично судили, насильно лишали погон и знаков офицерского звания... Вследствии полной деморализации армии нашей неприятель тем временем наступал уже с большой энергией... По пути отступления «товарищи» предавались грабежу и разбою в помещичьих имениях, пасторатах и крестьянских усадьбах».

Следующее предложение автобиографии Яниса Гарклавса звучит еще более загадочно: «После заключения большевиками невыгодного Брест-Литовского мирного договора я переехал в Россию, где демобилизовался и стал заниматься своим ремеслом в городе Вологда». Возникает вопрос: откуда он мог демобилизоваться после 3 марта 1918 года, когда был подписан Брест-Литовский мирный договор, если в августе 1917 года он оставил 8 Валмиерский полк, и как он оказался в Вологде? Ответ может быть только одним: вероятно, он был в какой-то воинской части латышских стрелков, которая была переведена в Вологду. После занятия в феврале 1918 года территории Латвии германскими войсками латышские полки были переведены в Москву, Бологое и Новгород. В Вологде стоял так называемый «Вологодский батальон» латышских стрелков, который был сформирован из солдат 2 Рижского латышского стрелкового полка, отказавшихся войти в формируемый заново 2-й полк. Позднее этот батальон вошел в состав 8 полка латышских стрелков. Как известно, большинство латышских стрелков активно поддерживали большевиков, однако свое организационное оформление уже в виде воинского соединения Красной армии — так называемой «Латышской стрелковой советской дивизии», — стрелки получили 13 апреля 1918 года. Вероятно, фразой автобиографии о демобилизации весной 1918 года Гарклавс хотел подчеркнуть свое нежелание служить в воинской части Красной армии. Теоретически тогда была возможность оставить воинскую часть, так как известно, что при создании Латышской советской стрелковой дивизии небольшое количество стрелков демобилизовались по собственному желанию или же были уволены за различного рода нарушения.

Наконец, последние строчки автобиографии Яниса Гарклавса, написанной им собственноручно в августе 1933 года: «Когда в Вологде, благодаря правлению большевиков, появились угрозы голода, я переехал в Ростов-на-Дону, где, не найдя работу, и частично из-за возмущения по отношению к большевикам, вступил в Добровольческую армию, в которой прослужил до падения Крыма. Вернувшись в Латвию, поселился в Лимбажи». Это предложение звучит более чем таинственно. Известно, что отдельные бывшие латышские стрелки, в основном офицеры, служили в Добровольческой армии. Вполне вероятно, что кто-то из рядовых стрелков также служил в этой армии. Однако подавляющее большинство латышских стрелков были на противоположной стороне фронта, в составе Красной армии. Более того, именно красным латышским стрелкам в известной степени принадлежит заслуга разгрома армии генерала А.И. Деникина. Поэтому в Добровольческой армии латышей считали своими кровными врагами, а солдаты армии генерала П.Н.

Врангеля красных латышских стрелков даже не брали в плен, расстреливая их на месте. Была ли возможна в таких условиях служба рядового латышского стрелка в армиях Деникина и Врангеля? Теоретически такая возможность была, но практически маловероятна.

Сохранилась еще одна автобиография Яниса Гарклавса, написанная им чуть позднее первой — в декабре 1933 года и озаглавленная автором «Описание моей жизни». Она почти дословно повторяет первую, и вышеупомянутая строка в этом документе сформулирована следующим образом: «Когда в Вологде, благодаря правлению большевиков, наступил голод, тогда я из Вологды с большими трудностями и опасностями переехал в Ростов-на-Дону, где в конце концов вступил в российскую Добровольческую армию и прослужил в ней до падения Крыма в руки большевиков. После падения Крыма вернулся в Латвию в 1921 году и нашел работу по профессии в Лимбажи». Янис Гарклавс никогда никому ни одним словом не рассказывал ни о своей службе в Добровольческой армии, ни об обстоятельствах своего возвращения на Родину. Однако следует отметить, что его судьба достаточно типична для латышских стрелков, многие из которых в годы Гражданской войны в России воевали как по одной, так и по другой стороне фронта, а в 1921-1925 годах, согласно советско-латвийскому договору от 22 июля 1921 года о порядке оптации граждан и возвращении опантов на родину, смогли решить вопрос о своем гражданстве и вернуться в Латвию. Известно, что на юге России активную помощь в возвращении латышей на Родину оказывал Роберт Лиепиньш, который сначала в Ростове-на-Дону, а затем в Одессе выяснял численность потенциальных репатриантов и помогал им в переезде. В апреле 1920 года во главе с Робертом Лиепиньшем, которому удалось вернуться в Латвию с одной из первых групп репатриантов, было создано Латвийское общество по реэвакуации беженцев (*Latvijas Bēgļu reevakuācijas biedrība*), которое, вероятно, и помогло Я. Гарклавсу вернуться в Латвию. Известно, что в 1921 году и в первые четыре месяца 1922 года в Латвию вернулось 11 395 бывших красных латышских стрелков.

Несмотря на то, что Латвийская Республика была образована 18 ноября 1918 года, ее развитие, как государства, началось только в 1920 году, когда на территории Латвии были закончены военные действия. В Латвии, разоренной войной и эвакуацией в 1915 году крупной промышленности, нужно было, прежде всего, наладить производство товаров, которые могли обеспечить сравнительно небольшой внутренний рынок. В результате, первыми свою работу восстановили мелкие предприятия, которые могли трудоустроить только небольшую часть возвращавшихся в страну беженцев. Репатрианты, как правило, пополняли ряды безработных, которых в начале 20-х годов занимали так называемыми «общественными работами»: разборкой разрушенных во время войны зданий, рытьем канав, строительством дорог и т. п. Вероятно, чем-то подобным по возвращению в Латвию был вынужден заниматься и Янис Гарклавс.

Первые годы жизни в Лимбажи у Я. Гарклавса не было постоянных источников существования, и приходилось довольствоваться случайными заработками — ремонтом

одежды, какими-то разовыми заказами на пошив одежды, которые ему время от времени давал его бывший хозяин — портной Гайлис, вообще любой возможностью заработка. Выручало также совершенно нетипичное для мужчины занятие — вязание крючком. Янис любил вязать, свои изделия — покрывала, наволочки, шали и др., — он всегда выполнял в сочных, ярких тонах, они имели веселый, даже праздничный вид и пользовались определенным спросом. Однако занятие это было настолько трудоемким, что приносило скорее эстетическое, чем материальное удовлетворение. Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие средств, сразу же после возвращения в Лимбажи Янис начал собирать свою библиотеку. Он читал на трех языках — латышском, немецком и русском, любил книги и дорожил ими. Особенно он любил перечитывать «Жизнь животных» знаменитого немецкого зоолога и путешественника Альфреда Эдмунда Брема. У Яниса была великолепная память, поэтому, несмотря на незаконченное начальное образование, он благодаря своему увлечению литературой никогда при письме не допускал грамматических или стилистических ошибок, причем одинаково правильно писал на всех трех языках, которыми владел.

Существование Яниса Гарклавса было более чем скромным, даже аскетическим, однако суровое детство и военная юность приучили его к подобным условиям жизни. Он научился довольствоваться малым, и был счастлив тем, что вернулся домой целым и невредимым, опять находится среди близких ему православных людей, у него появилось время для вязания, молитвы и чтения любимых книг, пения на клиросе.

Янис Гарклавс вернулся не только на родину, к своим горячо любимым матери и брату, он вернулся в свою Лимбажскую Св. Александро-Невскую церковь. Следует отметить, что Лимбажский православный приход, как и вся Латвийская Православная Церковь (ЛПЦ), в 1921 году переживал очень тяжелые времена. Как писал в 1921 году Лимбажский православный священник Алексей Колосов, «непристанная смена правительств в 1917-1919 годах, следовавших одно за другим — русского, временного Керенского, немецкого, красно-коммунистического, эстонского и, наконец, латвийского, — в конце подорвала материальные средства церкви и прихода. Что бывало скоплено в одно правительство, то в следующее правительство, с выпуском новых денежных знаков, пропадало за аннуляцией или оценивалось в крайнюю ничтожность. Денежные знаки последующего правительства вытесняли денежные знаки предыдущего правительства, так что в кассе церковной оказывался всегда круглый ноль. Случалось, не на что было купить бумагу и перья, ибо они стоили дорого... Между тем вопиющих нужд, требовавших затрат значительных средств, было много. Так, жестяная железная крыша церкви вся проржавела как сито, причтовый дом разваливался, колодцы и при последнем и при церкви разваливались... Помощи со стороны, как это было до сего времени, нельзя было ожидать». Помощи, действительно, было ждать не от кого.

С момента образования независимого Латвийского государства кардинально изменилось положение Правос-

славной Церкви. Если в Российской империи государство откровенно покровительствовало право-славному вероисповеданию, то в первые годы существования независимой Латвии Православная Церковь большей частью латышского общества воспринималась как реликт царского режима. Так, по мнению депутата II Сейма (парламента) социал-демократа К. Декенса, «православие пришло к нам как русификатор и как орудие царского правительства», а его товарищ по партии писатель Линардс Лайценс с трибуны Сейма призвал снести Рижский кафедральный Христорождественский собор «как символ режима царской России». В свою очередь, А. Зембергс предложил переоборудовать Христорождественский собор в национальный пантеон героев борьбы за освобождение Латвии, в котором будут размещены бюсты, портреты героев войны, флаги латышских воинских частей, оружие и тому подобное. В место, где будут проводиться все официальные государственные церемонии, так как «совершенно недопустимо, что в центре Риги, в красивом месте, где проходят парады наших вооруженных сил и народные праздники, господствует символ православия прежней России».

Ситуация еще более осложнялась тем, что последний управляющий Рижской епархией епископ Ревельский Платон (Кульбуш, 1869–1919, смч.) в январе 1919 года был зверски замучен большевиками, поэтому епархия осталась без главы. В феврале и августе 1920 года состоялись собрания представителей всех православных приходов Латвии, которые постановили, что Латвийская Православная Церковь (ЛПЦ) будет самостоятельной и независимой в административных, хозяйственных вопросах, в своих отношениях с государственной властью. В иерархическом же отношении будет сохранять каноническую связь с Московским Патриархатом. Августовское собрание избрало Синод ЛПЦ, который латвийское Министерство внутренних дел 20 ноября 1920 года официально признало руководящим органом управления ЛПЦ. Кроме того, на этих собраниях было также решено пригласить в качестве главы ЛПЦ архиепископа Пензенского и Саратовского Иоанна (Поммерса). Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин, 1865 — 1925, святит.) 19 июля 1921 года даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских.

Следует отметить, что латвийское правительство не оказало никакой помощи архиепископу Иоанну в прибытии в Латвию, показав тем самым, что положение без управления, в котором находилась ЛПЦ, полностью устраивало органы государственной власти. Православных Латвии глубоко оскорбил и тот факт, что представители правительства не сочли нужным принять участие во встрече архиепископа Иоанна на латвийской земле. В Ригу архиепископ Иоанн прибыл 24 июля 1921 года, а буквально накануне (19 июля) латвийское правительство официально передало резиденцию православного архиерея — Рижский Св. Алексеевский монастырь, — Римско-католической Церкви. Когда архиепископ Иоанн в поисках защиты обратился к президенту Латвии Янису Чаксте, последний ответил, что «в латвийских законах нет ничего ни о Православной Цер-

кви, ни о правовой защите этой Церкви. Этого не требуют ни государственные интересы, ни нынешняя политическая ситуация», то есть еще раз подтвердил, что Православная Церковь в Латвийской Республике находится вне закона.

Правительственные круги и радикально настроенные политические силы Латвии рассматривали сохранение канонической связи ЛПЦ с Московским Патриархатом, как зависимость Церкви от «руки Москвы». Они неоднократно советовали церковному руководству последовать примеру Эстонской Православной Церкви, которая, в нарушение церковных канонов, в 1923 году перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, а нежелание руководства ЛПЦ выполнять рекомендации Министерства внутренних дел объяснялось стремлением ЛПЦ к «Москве», то есть к старой царской России.

Отношение латвийского правительства к ЛПЦ наглядно характеризует донесение латвийского посла в Эстонии Яниса Сескиса министру иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровицу от 23 декабря 1923 года: «Было бы очень желательным, чтобы Православные Церкви в балтийских странах стали бы национальными, оторванными от Москвы... Президент Эстонии Пятс думает, что наш Иоанн не такой уж неуступчивый, его можно будет заинтересовать возможностью занять почетное и материально обеспеченное положение. Правительство должно показать свой интерес в решении этого вопроса и изменить ситуацию». Однако ни архиепископ Иоанн, ни вся в целом ЛПЦ, строго придерживаясь церковных канонов, свою позицию не меняли. В результате этого на ЛПЦ и на всех православных верующих смотрели как на «пятую колонну» внутри независимого государства. Православных латышей считали предателями интересов Латвийского государства, и против ЛПЦ, за которой вплоть до 1926 года не признавались права юридического лица, в первой половине 20-х годов были развернуты гонения. Отнятие у ЛПЦ храмов аргументировалось тем, что они во времена Российской империи были построены за государственный счет, поэтому на основании советско-латвийского мирного договора 1920 года якобы являются не церковной, а государственной собственностью. На основании же того, что многие православные приходы из-за проведенной во время Первой Мировой войны эвакуации церковных архивов не могли документально подтвердить свои права на приходскую землю, ЛПЦ в ходе земельной реформы лишается значительных участков земли. Отдельные православные латыши, не выдерживая пренебрежительного или даже резко отрицательного к себе отношения, покидали православие. Так, в период с 1925 по 1930 год количество православных латышей сократилось на 2 185 человек.

Как отметил в своей речи на Соборе ЛПЦ 30 октября 1923 года архиепископ Иоанн, положение Церкви характеризует полнейшая нищета, а также ненависть и злоба, которыми окружена Церковь: «...это не просто гонения, это изощренные пытки». До 1926 года у ЛПЦ было отнято 28 храмов, восемь из которых были переданы другим религиозным конфессиям, здания Рижской Духовной семинарии и Рижского Духовного училища, значительные участки церковной

земли и др. Несмотря на протесты верующих, 20 июля 1925 года в Риге, чтобы не осталось больше «воспоминаний о временах царизма и по желанию общественности», при большом скоплении народа была снесена с лица земли привозкальная православная часовня во имя Св. Александра Невского. Комментируя это трагическое событие, архиепископ Иоанн открыто заявил, что часовня была отнята у православных и «разрушена по политическим соображениям».

Гонения первой половины 20-х годов XX века затронули и Лимбажский православный приход. В 1920 году приходской Совет получил уведомление заведующего государственными землями по Лимбажскому округу о передачи земли православного причта и приходской школы, расположенной в Умурге, в фонд государственной земли. Государственный чиновник воспользовался тем, что архив Лимбажской православной церкви в 1917 году был эвакуирован в Новгород, поэтому приход не мог документально подтвердить свои права на владение этой землей. В ответ на это прихожане послали протест в Министерство земледелия, и только вмешательство министерства приостановило процесс отчуждения этой земли. В 1922 году приходскому Совету удалось получить из Новгорода документы, подтверждающие права прихода на землю в Умурге, однако, несмотря на документы, органы государственной власти по-прежнему считали приходскую землю государственной землей. Как писал Лимбажский священник Алексей Колосов, «с 1920 года, то есть со времени издания закона о земельной реформе, причтовая земля в Умурге представляла для всех обывателей волости лакомый кусок, которым желательно было бы поживиться. В этом всячески помогали власть имущие, начиная с волостной землеустроительной комиссии, вплоть до Центрального Землеустроительного Комитета. Имеющиеся у причта на руках документы, подтверждающие право собственности прихода на сею землю, не признавались достаточным доказательством в этом, на каком основании эта земля зачислена была в фонд государственных земель». Только в результате четырехлетней переписки и судебных тяжб Департамент земледелия 13 августа 1924 года был вынужден подтвердить права Лимбажского православного прихода на эту землю.

Вплоть до 1924/1925 бюджетного года Синод ЛПЦ не имел никаких источников финансирования, поэтому не мог помочь нуждающимся приходам. В Лимбажской православной общине в 20-х годах было более 800 верующих. Это сравнительно много, если учесть, что в самом городе в 1920 году было только 2 560 жителей (в 1925 году — 3 085 жителей). Однако Лимбажский православный приход в основном составляли малоимущие слои населения города — мелкие ремесленники, наемные рабочие, безземельные крестьяне, у которых просто не было средств, чтобы помочь храму. Несмотря на это, православные верующие Лимбажи попытались сами решить хозяйственные проблемы общины. 5 мая 1920 года на приходском собрании был избран Дамский комитет, который предложил собрать пожертвования для проведения приходского базара с бесплатной лотереей. Проведенный 14 августа приходской базар дал 50 766 рублей выручки. На эти деньги осмолтили проржавевшую крышу церкви, покрасили масляной

краской колокольню и отремонтировали водосточные трубы. Воодушевленные успехом, члены Дамского комитета 13 августа 1922 года вновь провели приходской базар с беспроигрышной лотереей. На средства, полученные от проведения этого базара (64 495 рублей), удалось переложить черепицу на крыше приходского дома и произвести его косметический ремонт. И в дальнейшем каждый август приходской Дамский комитет проводил базары с лотереями, которые существенно пополняли приходскую казну.

Постепенно жизнь Лимбажской православной общины налаживалась. В 1923 году в Св. Александро-Невский храм вернулись его колокола. Приход сам финансировал перевоз колоколов из Москвы в Лимбажи, их поднятие и т. п. 27 июня состоялось торжественное освящение колоколов. В 1924-1925 годах удалось полностью заменить крышу храма и покрасить краской его окна и двери.

Следует отметить, что Лимбажская православная община, в которую входили не только православные, живущие в самом городе, но и верующие волостей, расположенных вокруг Лимбажи (Умурги, Ладе, Катвару, Набе, Стирне, Вайнажу, Аугстроде, Скулте, Лиепупе), в 20-30-х годах XX века отличалась очень стабильным численным составом. В 1929 году в общине было 837 верующих, в 1930 году — 847 человек, в 1933 году — 828 человек, в 1934 году — 825 человек, в 1938 году — 852 человека. Ежегодно в Лимбажском православном храме крестили 11 детей, достаточно стабильной была и динамика венчаний: в период с 1919 года по 1934 год — 6 пар в год, в 1938 году — 10 пар. Отличался только 1929 год, в который было совершено только одно венчание. Количество отпеваний в период с 1919 года по 1938 год колебалось от 9 до 11 человек в год. Рекордным был 1919 год — 22 умерших, что было связано с тем, что в 1919 году на территории Латвии еще продолжались военные действия.

Сразу же после своего возвращения в Лимбажи Янис Гарклавс стал принимать самое деятельное участие в жизни православной общины. Следует отметить, что он был музыкально одаренным человеком — обладал прекрасным голосом, играл на фисгармонии, поэтому ему не составляло никакого труда в случае необходимости выполнять функции регента церковного хора. Он участвовал во всех приходских собраниях, и уже спустя год после своего возвращения на родину был избран членом приходского Совета. 18 февраля 1923 года на очередном собрании Лимбажской общины Янис Гарклавс был избран помощником церковного старосты.

Во время Первой Мировой войны псаломщики Лимбажской Св. Александро-Невской церкви были эвакуированы в центр России и, как большинство эвакуированных с территории Латвии православных священно и церковнослужителей, после окончания войны не смогли вернуться обратно. Найти им замену было очень трудно, так как после 1915 года на территории Латвии не было учебных заведений, которые бы готовили церковнослужителей. Кроме того, из-за отсутствия средств Лимбажский приход не мог обеспечить псаломщика постоянным жалованьем. В начале 1923 года настоятель Св. Александро-Невской церкви протоиерей Алексей Колосов предложил приходскому

собранию избрать псаломщиком Добролюбова, однако его кандидатуру прихожане не поддержали, так как «он не может исполнять обязанности псаломщика». Так как Янис Гарклавс с детства пел в церковном хоре, прекрасно знал псалмы и часто прислуживал священнику во время богослужений, протоиерей А. Колосов предложил приходскому собранию рассмотреть его кандидатуру. 9 марта 1924 года приходское собрание единогласно избрало Я. Гарклавса псаломщиком Лимбажской Александро-Невской церкви. 26 марта 1924 года Синод ЛПЦ утвердил его в должности псаломщика. Сам Янис Гарклавс эти перемены в своей жизни описал очень просто: «Проживая в Лимбажи, я всегда посещал церковь, познакомился с протоиереем А. Колосовым, который предложил мне занять место псаломщика. По рекомендации о. А. Колосова 9 марта 1924 года на приходском собрании я был избран псаломщиком».

Следует отметить, что в условиях, когда православие не пользовалось симпатией со стороны большей части латышского общества, решиться поступить на службу в православном храме почти мононационального (латышского) по своему составу населения города было далеко не просто, однако для Гарклавса это решение не вызвало никаких сомнений. Всю свою жизнь он мечтал служить в храме, готовил себя к этому, поэтому с радостью принял предложение настоятеля. Янис Гарклавс, решив стать псаломщиком, не преследовал никаких материальных выгод, так как был поставлен в известность, что на первых порах не будет получать никакого жалования. Впоследствии он стал получать жалование 50 латов в месяц — более чем скромную по тем временам сумму, на которую мог только «сводить концы с концами». В результате, параллельно работе в храме, Янис был вынужден продолжать брать заказы на пошив одежды и на вязание.

Единственная материальная выгода, которую получил Янис Гарклавс, став псаломщиком, была комната в старом приходском доме (его капитальный ремонт был проведен только в 1937 году, когда Гарклавс уже покинул Лимбажи), однако она была такой маленькой, что он не мог перевезти в нее свою любимую мать. Его мечта исполнилась только спустя год. В 1925 году уволился многолетний церковный сторож Яков Зелтынь и Янис Гарклавс уговорил настоятеля взять на место сторожа своего брата Петериса. Так Петерис Гарклавс и его мать Анна Гарклавс поселились в сторожке при церкви. Сторожка была очень маленькой (одна комната с кухней), стены ее зимой постоянно промерзали, однако Гарклавсы были счастливы — наконец-то у них появилось «свое» постоянное жилье. В 1929 году приходской Совет выделил средства на ремонт сторожки, и Петерис отштукатурил пострадавшие от мороза и сырости наружные стены, переложил плиту и печь, покрасил окна и двери. Следует отметить, что Петерис Гарклавс стал настоящим приобретением для Лимбажской православной церкви. За мизерную зарплату сторожа он работал звонарем, алтарником, истопником, принимал участие во всех ремонтных работах и др. 10 октября 1926 года в Лимбажском храме состоялось венчание Петериса Гарклавса и Алвины Спрингис (1902-1975), с которой будущий супруг познакомился там же, в Александро-Невском храме, в котором Алвина пела в

церковном хоре. Впоследствии в сторожке появилось трое детей Петериса и Алвины: сыновья Борис (1927 г. рожд.), Александр (1935 г. рожд.) и дочь Анна (1928 г. рожд.).

Только после четырехлетних обращений руководства ЛПЦ к правительству с просьбами определить правовой статус Православной Церкви в Латвии, 8 октября 1926 года Кабинет министров утвердил «Правила о положении Православной Церкви», в соответствии с которыми ЛПЦ, наконец, были даны права юридического лица. Кончается период гонений, период закрытия и уничтожения православных храмов, когда, по выражению архиепископа Иоанна (Поммерса), «имущество и святыни Церкви отнимались и отдавались кому придется, когда храмы передавались различным учреждениям или же стирались с лица земли; когда все, кому было не лень, могли отнять наши имущества и святыни с уверенностью, что они за это не понесут никакого наказания». С 1925/1926 бюджетного года правительство стало выделять Православной Церкви государственные дотации. Размер дотаций был небольшим — всего 22 500 латов в год, между тем как большинство православных храмов нуждалось в ремонте. Тем не менее, эти дотации позволили Синоду ЛПЦ каждый год выделять какие-то средства приходам на проведение неотложных ремонтных работ. В 1932 году Синод ЛПЦ смог, наконец, выделить 100 латов и Лимбажской Св. Александро-Невской церкви.

В 1926 году ЛПЦ удалось сдвинуть с мертвой точки еще один крайне наболевший вопрос — обеспечение приходов священно и церковнослужителями. 25 июня 1925 года архиепископ Иоанн (Поммерс) обратился к Латвийскому правительству с прошением, в котором подчеркнул, что «состав православных священников с каждым годом уменьшается — уже в настоящее время десятки православных приходов не имеют священников из-за недостатка соответствующих кандидатов». Архиепископ отметил, что если русские приходы могут частично решить эту проблему за счет приглашения священников из-за границы, то «у латышских приходов нет такой возможности, так как среди прибывающих в Латвию иностранных подданных нет таких, которые бы владели латышским языком». Владыка подчеркнул, что ЛПЦ не имеет собственных средств на содержание духовного учебного заведения, поэтому попросил правительство помочь Церкви. Однако, только после утверждения правительством «Правил о положении Православной Церкви» и предоставления ЛПЦ государственных дотаций (из общей суммы государственных дотаций 8 000 латов ежегодно выделялось на Рижскую семинарию) удалось, наконец, открыть православную Духовную семинарию. 1 декабря 1926 года в помещении Синода, где за неимением других помещений разместилась семинария, в присутствии архиепископа Иоанна, духовенства, преподавателей, будущих учащихся и их родителей был проведен торжественный молебен по случаю возобновления деятельности Рижской Духовной семинарии.

Вторую половину 20-х — первую половину 30-х годов XX века можно назвать временем стабилизации духовного и материального положения ЛПЦ. В этот период Церковь развертывает широкие строительные и ремонтные работы,

в результате которых к середине 30-х годов каждый седьмой православный храм Латвии был новоосвященным. Благодаря тому, что архиепископ Иоанн (Поммерс) в 1925 году был избран депутатом II Сейма, а затем последовательно избирался депутатом III и IV Сеймов, голос в защиту Православной Церкви постоянно звучал с высшей законодательной трибуны страны. Как ни хотелось правительству Латвии, но к этому голосу приходилось прислушиваться, так как за архиепископом Иоанном стояли более 160 тысяч православных Латвии (в 1925 году — 167 538 человек, 137 приходов).

Однако психологический климат, в котором приходилось действовать ЛПЦ и ее паствы, оставался прежним. Разумеется, после принятия «Правил» 1926 года органы государственной власти уже не могли не считаться с ЛПЦ, однако этот законодательный акт вовсе не обязывал их помогать православным приходам. Лимбажский священник Алексей Колосов отмечал, что если любые просьбы Лимбажской ев.-лютеранской общины всегда встречали отклик в Городском управлении и незамедлительно выполнялись, то просьбы православной общины это управление обычно просто не замечало. Так, когда в 1929 году город был подключен к электричеству, все необходимые работы для подключения к электричеству Лимбажской ев.-лютеранской церкви были выполнены за счет городского бюджета. Православная же община была вынуждена сама оплатить работы по подключению к электричеству Св. Александро-Невского храма, так как на просьбу общины о помощи Городское управление ответило отказом. Как писал в 1929 году о. Алексей, в течение двух лет приходской Совет регулярно обращался в Городское управление с просьбой установить в низине улицы, ведущей к Александро-Невской церкви, дренажную систему, так как улицу осенью и весной заливало водой, и прихожане были вынуждены добираться до храма в обход, однако Городское управление делало вид, что не замечает огромной лужи в самом центре города.

Янис Гарклавс выполнял обычные обязанности псаломщика, то есть пел на клиросе и читал фрагменты из богослужебных книг, сопровождал священника при посещении прихожан для исполнения духовных треб. Он занимался всем делопроизводством по церкви и приходу: вел метрические книги, обыскные книги для записи повенчаных браком, исповедные росписи, клировые ведомости с обозначением всех данных относительно храма, средств содержания причта и др. Следует отметить, что несмотря на то, что он даже не закончил приходскую школу, его записи всегда отличались каллиграфическим почерком, причем при письме, как на родном латышском языке, так и на русском языке, он не допускал ни единой грамматической ошибки. Это свидетельствовало не только о его природном таланте, но и об эрудиции, накопленной годами самообразования. Помимо этого Я. Гарклавс всегда представлял Лимбажский приход по всем делам, связанным с недвижимой собственностью церкви и прихода. В 1930 году он собрал приходскую молодежь, проходящую катехизацию, и вместе с ними посадил на старом приходском кладбище 100 елей. В этом же году, опять-таки по собственной инициативе, он посадил 60 елей при братской могиле русских воинов, павших в Первую Мировую войну. Как писал

настоятель Лимбажской Св. Александро-Невской церкви протоиерей Алексей Колосов, «псаломщик Янис Гарклавс за время своего пребывания на этой должности полностью доказал, что его интересует жизнь церкви и для ее процветания он готов в любой момент протянуть мне руку помощи... Было бы непростительным с моей стороны оставить без внимания его усердие». Судя по всему, Я. Гарклавс, действительно, был очень хорошим псаломщиком, так как дважды (в 1929 году и в 1934 году) «за преданное служение церкви и приходу» удостоился благодарности Синода ЛПЦ. Как писал в 1929 году благочинный Валмиерского округа протоиерей К. Грудудлис, «счастлив тот пастырь, который может найти в своем приходе подобных (Я. Гарклавсу — А. Г.)» Показательно и то, что за первые восемь лет службы псаломщиком Янис Гарклавс ни разу не использовал полагавшийся ему отпуск. Он просто не представлял своей жизни вне церкви, которой отдавал всю свою душу, поэтому не понимал, зачем ему нужен отпуск.

Между тем, условия служения в Лимбажском Св. Александро-Невском храме в 20-30-х годах XX века не всегда были простыми. Так, например, зимой 1928-1929 годов, с начала декабря и по 12 марта, мороз достигал 30 градусов. Поэтому в храме, «несмотря на топку всех печей, в чаше вино превращалось в лед, а просфоры за время совершения Литургии до того промерзли, что не было возможности их разрезать без предварительного отогревания в печи. Руки зябли до того, что поверхность кожи на них трескалась и из трещин выступала кровь».

В характеристике, данной Янису Гарклавсу для поступления в Рижскую Духовную семинарию, протоиерей Алексей Колосов отметил, что за время совместной службы псаломщик Янис Гарклавс «зарекомендовал себя человеком религиозным в православном духе верования, хранящим обряд и уклад жизни православного христианина, страстно любящим церковное пение, для поднятия коего в приходе не щадил не только своих сил и знания, но и в немалой мере даже своих личных средств, и во всех делах управления Лемзальским приходом он был мне всегда готовый, надежный и бескорыстный помощник. В частной жизни Гарклавс неизменно являл добрый пример неподкупной честности, житейской рассудительности, порядочности и трезвости. Подобными же душевными качествами отличаются и все члены ему родной семьи».

Протоиерей Алексей Колосов прослужил настоятелем Лимбажского Св. Александро-Невского храма 17 лет. В 1930 году после продолжительной болезни он попросил Синод ЛПЦ уволить его за штат. 11 августа 1930 года Синод удовлетворил его просьбу с условием, что он останется настоятелем Лимбажского храма до тех пор, пока ему будет найдена замена. 9 февраля 1931 года настоятелем Лимбажской Св. Александро-Невской церкви был назначен священник Иоанн (Jānis) Бауманис (1908-1985). О. Иоанн в 1929 году закончил Рижскую Духовную семинарию, 26 января 1930 года был рукоположен во священника Кокоревской церкви. К моменту перевода в Лимбажский приход о. Иоанну было только 23 года.

Следует отметить, что с первого дня служения о. Ио-

анна Бауманиса в Лимбажи между ним и его псаломщиком установились очень теплые, даже дружеские отношения. Молодой священник признавал авторитет опытного псаломщика и во всех вопросах приходской жизни неизменно следовал его советам. Как писал о. Иоанн Бауманис, псаломщик Янис Гарклавс не может не заслуживать уважения, так как «свои обязанности всегда выполнял и выполняет по чистому велению сердца, не считаясь ни со временем, ни с материальными затратами... Благодаря этому Янис Гарклавс заслужил любовь и благодарность прихожан, моего предшественника протоиерея Алексия Колосова, а также и мою любовь и благодарность».

Несмотря на свою молодость, о. Иоанн Бауманис очень скоро после назначения на Лимбажский приход заслужил доверие не только своих прихожан, но и всех жителей Лимбажи. Когда в конце 1937 года прихожане узнали, что распоряжением Синода ЛПЦ о. Иоанн переводится на Карздабский и Лидерский приходы, они обратились в Синод с просьбой оставить о. Иоанна в Лимбажи. В решение этого вопроса вмешалось Городское управление, которое со своей стороны попросило митрополита Августина (Петерсонса) отменить распоряжение Синода о переводе о. Иоанна. Митрополит не внял просьбам верующих Лимбажи и городских властей, и о. Иоанн Бауманис был переведен в Карздабу, однако сам факт такого обращения Городского управления к главе ЛПЦ свидетельствует о том, что о. Иоанн в 1937 году стал авторитетом не только для православных верующих Лимбажи. Именно о. Иоанн Бауманис, сам недавно закончивший Рижскую Духовную семинарию, склонил Яниса Гарклавса к мысли о необходимости получения систематического богословского образования. 19 августа 1931 года Янис Гарклавс написал прошение на имя архиепископа Иоанна (Поммерса), в котором попросил разрешить ему сдать вступительный экзамен в Рижскую Духовную семинарию. Но так как набор в семинарию проходил не каждый год, ректор семинарии протоирей Иоанн Янсонс посоветовал Гарклавсу придти только через два года, когда будет набор на первый курс. Чтобы не терять зря эти два года, Гарклавс попросил разрешения посещать занятия в семинарии в 1932-1933 учебном году. 30 августа 1933 года Янис Гарклавс успешно сдал комплексный вступительный экзамен, во время которого устно проверялись знания катехизиса, Библии, истории Церкви, церковного пения, церковнославянского, латышского и русского языков, а также навыки письменной речи. Получив общую оценку «хорошо», Гарклавс был зачислен в качестве вольнослушателя на первый курс семинарии.

Возобновившая в 1926 году свою работу Рижская Духовная семинария старалась придерживаться семинарских программ дореволюционной России. Основными учебными предметами первого курса являлись: Св. Писание, история Церкви, латышский и русский (церковнославянский) языки, история и география Латвии, литургика и церковное пение. На учебные занятия отводилось 32 часа в неделю. Так как практически все семинаристы работали, учебные занятия проходили после обеда: в будние дни с 16 (иногда с 17) часов до 22 часов, в субботу — с 16 до 18 часов. У семинарии не было общежития, поэтому семинаристы должны

были сами заботиться о своем жилье. В исключительных случаях наиболее нуждающимся из них выплачивалась небольшая стипендия — 20 латов в месяц. Поступающие должны были знать как латышский (официальный язык обучения), так и русский язык, так как отдельные предметы читались на русском языке. В семинарию принимались лица, имевшие среднее (гимназическое) образование, а тем, у кого его не было, нужно было сдавать комплексный вступительный экзамен. Этот экзамен был настолько сложным, что не многие могли его выдержать и поступить в семинарию, поэтому случай с Янисом Гарклавсом был исключением из правил. Из-за острой нехватки священно и церковнослужителей, а также из-за неимения средств на содержание семинарии, вначале учебную программу проходили за два года. С 1931-1932 учебного года курс семинарии стал трехгодичным, поэтому удалось добавить новые учебные предметы (философию, греческий язык и др.) и уменьшить количество учебных часов в неделю с 32 до 28.

Преподавательский состав Рижской Духовной семинарии в основном составляли опытные священнослужители, окончившие курс Духовной Академии. Многие из них имели опыт преподавания в довоенных Рижской Духовной семинарии (о. И. Янсонс, И.П. Михельсон и др.) или Витебской Духовной семинарии (о. Кирилл Зайц). Ректор семинарии протоирей Иоанн (Jānis) Янсонс преподавал Св. Писание, нравственное богословие и гомилетику; протоирей Николай Перехвальский — основное, догматическое и сравнительное богословие; протоирей Кирилл Зайц — литургику, практическое богословие и сектоведение; Д.Я. Рудзитис — историю Церкви, психологию, педагогику и языки; И.П. Михельсон — церковное пение; А.А. Поммерс — географию и историю Латвии. С 1930 года в семинарии стал преподавать В.А. Янсонс (латышский и греческий языки). Кроме освоения учебных дисциплин, все семинаристы должны были написать сочинение на темы, предлагаемые преподавателями семинарии. С целью богослужебной практики семинаристы должны были принимать участие в богослужениях в храмах Риги: петь на клиросе, прислуживать священникам, произносить написанные под руководством преподавателей проповеди. Хор семинаристов был занят в ранних литургиях в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, участвовал в богослужениях в других рижских храмах. Требования преподавательского состава были достаточно высокими, поэтому не все, поступившие в семинарию, могли успешно пройти ее учебную программу. Так, в период с 1926 по 1933 г. в Рижской Духовной семинарии училось 67 воспитанников, однако закончили ее лишь 40 человек.

По свидетельству о. Георгия Тайлова, Янис Гарклавс был более чем старательным семинаристом. Это и понятно, ведь в отличие от остальных семинаристов, закончивших гимназии, у него не было среднего образования, поэтому приходилось усиленно готовиться практически к каждому учебному занятию. Кроме того, он был значительно старше большинства семинаристов, имел как фронтовой, так и богатейший житейский опыт, на фоне которого многие из его однокурсников казались ему де-

тьми. Однако все это его нисколько не смущало. Наконец-то жажда знаний, которую он долгие годы удовлетворял за счет самообразования, приобрела какую-то систему. Он получал истинное удовольствие от учебных занятий, общения с преподавателями семинарии и однокурсниками, возможности наконец-то получить ответы на многие вопросы, которые он задавал себе всю свою жизнь.

Богобоязненный, глубоко верующий человек, Янис Гарклавс во всем проявлял непоколебимую ревность о Боге. Именно эта ревность и упование на Него, твердая вера в милосердие Божие помогали ему претерпевать все тяготы жизни во время учебы в семинарии. Крайне трудно было совмещать учебу в семинарии с выполнением обязанностей псаломщика в Лимбажской церкви. В Риге проживала сестра его матери Кристина Зелтыня, у которой можно было в случае необходимости переночевать, однако в целом и без того более чем скромное материальное положение Яниса Гарклавса с поступлением в семинарию стало просто катастрофическим. Собственно, к аскетическому образу жизни он привык уже с раннего детства, поэтому его совершенно не волновал вопрос о том, чем же он будет питаться, главное, что его беспокоило — где взять деньги, чтобы купить билет от Лимбажи до Риги, чтобы не пропускать занятий. Как писал в октябре 1933 года Янис Гарклавс, «получаю жалованье от Лимбажской общины 50 латов в месяц, но если отнять транспортные расходы, которые составляют 9 латов за одну поездку, у меня на руках остается только около 5 латов в месяц, так как приходится ездить пять и более раз в месяц, в зависимости от количества богослужений. Остающаяся от поездок сумма очень ничтожна, а у самого меня средств нет, и никто не может предоставить мне какое-либо пособие». Гарклавс попросил администрацию семинарии назначить ему стипендию. Ознакомившись с его материальным положением, администрация удовлетворила его просьбу, однако стипендию ему выплачивали только эпизодически. Количество стипендий было ограничено, между тем среди семинаристов было много нуждающихся. Поэтому администрация семинарии, чтобы помочь максимальному количеству семинаристов, старалась периодически менять стипендиантов.

Тяжелейшим ударом для ЛПЦ и лично для семинариста Яниса Гарклавса была трагическая гибель в ночь с 11 на 12 октября 1934 года архиепископа Иоанна (Поммерса). Именно благодаря архиепископу была открыта Рижская семинария, он придавал ее работе первостепенное значение, сам часто встречался с семинаристами, которые прекрасно знали, что в случае необходимости всегда можно было рассчитывать на его участие и помощь. Архиепископа Иоанна провожала вся Рижская Духовная семинария. Семинаристы во главе со своим ректором о. Иоанном Янсонсом первыми приехали на архиерейскую дачу, чтобы пропеть панихиду на месте кончины Владыки Иоанна, круглосуточно дежурили в Христорождественском кафедральном соборе у гроба покойного, принимали участие в его проходах и отпевании и, по воспоминаниям современников, прощаясь с архиепископом Иоанном, все семинаристы плакали.

После установления в Латвии авторитарного режима Карлиса Ульманиса (15 мая 1934 года) и особенно

после кончины архиепископа Иоанна резко усилился нажим органов государственной власти на Синод ЛПЦ. Цель — заставить церковное руководство освободиться от «власти Москвы», то есть прервать каноническую связь с Московским Патриархатом. Смену своего курса по отношению к ЛПЦ Кабинет министров К. Ульманиса продемонстрировал сразу же после кончины Владыки Иоанна. А именно — запретил Синоду ЛПЦ «из санитарных соображений» выполнить волю усопшего — похоронить его в Рижском Христорождественском кафедральном соборе, подклет которого был резиденцией архиепископа Иоанна.

Впервые вопрос о преемнике архиепископа Иоанна был поднят на пленарном заседании Синода 26 ноября 1934 года. С докладом по этому вопросу выступил протоиерей Иоанн Янсонс, который отметил, что у ЛПЦ есть только три пути, «идя по которым можно выбрать канонического епископа». Первый путь — обратиться к Русской Православной Церкви, то есть к Московскому Патриархату; второй — обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху; третий — к Сербской Православной Церкви. В своем докладе о. Иоанн Янсонс подчеркнул, что глава Церкви должен быть избран каноническим путем, поэтому самым правильным выбором является обращение к Московской Патриархии. При этом докладчик сослался на мнение покойного архиепископа Иоанна. На этом же заседании группа латышских священников предложила обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху. Примечательно, что одним из основных аргументов этой группы были доводы о том, что в противном случае Латвийское государство впредь не будет предоставлять «непослушной» Церкви денежных пособий. Трудно сказать, какую сторону в этих спорах занимал семинарист Янис Гарклавс, однако, учитывая то, что все семинаристы горячо поддерживали точку зрения своего ректора — протоиерея Иоанна Янсонса, думается, что и Гарклавс разделял мнение последнего.

Однако вскоре оказалось, что в условиях авторитарного режима Синод ЛПЦ уже не имеет самостоятельности в своих действиях. Полтора года Министерство внутренних дел Латвийской Республики не давало своего согласия на созыв Собора ЛПЦ, понимая, что его участники проголосуют за сохранение прежнего статуса Церкви. За это время по указанию министерства практически полностью был обновлен состав Синода: из него вывели сторонников архиепископа Иоанна и заменили их «государственно-мыслящими» священниками и мирянами. И новый состав Синода ЛПЦ в августе 1935 года обратился к Патриарху Константинопольскому Фотию с просьбой посвятить главу ЛПЦ. 11 ноября 1935 года Синод составил прошение Патриарху Фотию о даровании ЛПЦ автономии по образцу Эстонской Православной Церкви. Однако внезапная кончина Патриарха замедлила ход событий, осуществляемых по сценарию, разработанному Министерством внутренних дел Латвийской Республики. Только 4 февраля 1936 года новоизбранный Патриарх Константинопольский Вениамин назначил экзарха в Западной и Восточной Европе митрополита Фиатирского Германоса (Стренопулоса) своим представителем на Соборе ЛПЦ и даровал Латвийской Церкви (Митрополии) автономию.

Сторонники покойного Владыки Иоанна попытались выдвинуть свою кандидатуру нового главы Церкви — ректора Рижской Духовной семинарии, протоиерея Иоанна Янсонса, пользовавшегося уважением не только в семинарии, но и у большинства духовенства. МВД отменило решение Синода о выдвижении кандидатуры о. Иоанна Янсонса, а накануне выборов главы Церкви по распоряжению властей был изменен Устав ЛПЦ. Впредь все важные вопросы церковной жизни — выборы епископов, учреждение новых епархий, викариатств и другие, — должны были решаться только с согласия органов государственной власти. Наконец, в результате выборов, проведенных 10 марта 1936 года на Вселатвийском Церковном Соборе, новым главой ЛПЦ был избран настоятель Даугавпилсской гарнизонной церкви протоиерей Августин Петерсонс (1873-1955). Его основными заслугами признавались не авторитет в церковных кругах — о. Августин служил в Латгалии (Восточной Латвии) и большинству делегатов Собора был практически неизвестен, — а его «домовитость», вдовство и «его давние связи с военными кругами». 29 марта 1936 года о. Августин был хиротонисан в митрополита Рижского и всея Латвии. Чин хиротонии совершили митрополит Фиатирский Германос, митрополит Принципский Фома, митрополит Иринопольский Константин, митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр и архиепископ Петсерийский Николай.

Для упрочения автономного статуса ЛПЦ было принято решение образовать два викариатства — Елгавское и Ерсикское. Инициатива образования викариатств также исходила от Латвийского правительства, которое предложило за государственный счет обустроить резиденции викарных епископов и выплачивать им жалование. Следует отметить, что Уставом ЛПЦ 1936 года не были определены ни полномочия викарных епископов, ни границы планируемых викариатств. В 1936 году правительство выделило средства на содержание одного викарного епископа — Елгавского. 27 сентября 1936 года во епископа Елгавского был хиротонисан Иаков (Jēkabs Karpis, 1865-1943). В 1938 году государство отпустило средства и на вторую викарную кафедру. 17 июля 1938 года во епископа Ерсикского (в 1939 году его титул был изменен на Мадонский) был хиротонисан Александр (Ādams Vītols, 1876-1942).

На Вселатвийском Церковном Соборе, созванном в июле 1936 года, переизбрали Синод ЛПЦ, а также внесли изменения в Устав. Ликвидировалось приходское самоуправление. Впредь причт прихода назначался, перемещался или увольнялся только главой Церкви и Синодом, Синод же определял размер жалования настоятеля (по старому Уставу эти права принадлежали общему собранию прихожан). Часть депутатов высказала недовольство тем, что митрополит Августин пресекал все попытки вернуть дискуссию по вносимым в Устав изменениям и требовал от депутатов формально голосовать за заранее подготовленные постановления. По словам Яниса Гарклавса, который был на этом Соборе в качестве депутата от Лимбажского прихода, все решения Собора были подготовлены государственными чиновниками, и «...вся его работа руководилась через заднюю дверь людьми, которые вовсе не принадлежали к Православной Церкви».

Уже в первом своем обращении к пастве митрополит Августин провозгласил о «слиянии целей» Православной Церкви и Латвийского государства. Он призвал православных Латвии отдать все свои силы на осуществление на практике заветов «нашего Вождя — Карлиса Ульманиса... быть всем и всегда в единстве». Впоследствии, руководствуясь этими заветами, Августин попытался реформировать ЛПЦ в соответствии с государственной идеологией.

Митрополит Августин настоятельно требовал перевести богослужение во всех латвийских храмах на латышский язык, а при храмах, у которых были только русские приходы, открывать и латышские. Следует отметить, что в середине 30-х годов в Латвии проживало 174 389 православных, из которых латыши составляли 57 600 человек, русские — 103 438, белорусы — 8 520, эстонцы — 1 130, немцы — 587 человек и 3 105 человек — представители других национальностей (украинцы, поляки, литовцы и другие). Из 124 священнослужителей ЛПЦ 79 были русскими по национальности, 45 — латышами. В большинстве приходов служба проводилась на церковнославянском языке. Поэтому нововведения митрополита вызвали резкое недовольство — как мирян, так и духовенства, — особенно в латгальских приходах, в которых большинство верующих просто не понимали латышского языка. Попытки же открыть при русских и латышских приходах были расценены верующими как то, что «у русских хотят отнять храмы». Уже осенью 1936 года в рижских православных храмах прошли шумные собрания прихожан, на которых верующие выказывали недовольство политикой митрополита Августина.

«Языковая реформа» Августина потерпела полный крах. Даже то приходское духовенство, которое свободно владело латышским языком, понимало, что такими мерами можно оттолкнуть часть прихожан от храмов, поэтому продолжало совершать службу на церковнославянском языке. Рижское духовенство, находившееся под пристальным контролем церковного руководства, только в редких случаях совершало литургию на латышском языке, оправдывая себя или слабым знанием языка, или же тем, что прихожане не посещают «латышские» службы. Нововведения митрополита Августина затронули и храмы, из названий которых стараются убрать все, что указывало на их прежнюю связь с РПЦ. Так, в 1937 году Лимбажскую Св. Александро-Невскую церковь переосвятили в храм во имя Преображения Господня.

Еще одной акцией митрополита Августина, вызвавшей повсеместный протест прихожан православных храмов, была попытка перевода ЛПЦ на новый календарный стиль. Об этом было объявлено в декабре 1936 года. Согласно распоряжению митрополита Августина, впредь старый календарь сохранялся только в тех приходах, в которых более двух третей прихожан решили его оставить. Однако и в этих приходах предполагалось в дальнейшем ввести новый календарь, так как «практическая жизнь требует... согласования церковного календаря с календарем гражданским».

Против этого нововведения верующие в основном протестовали «ногами», то есть не посещали храмы в праздники по новому стилю. Уже в декабре 1936 года предста-

вители латгальского духовенства попросили митрополита пересмотреть свое решение о переходе Церкви на новый календарь. Митрополит Августин не хотел уступать требованиям духовенства, однако акции недовольства продолжались, поэтому он попытался снять с себя ответственность за принятие такого непопулярного среди православных решения. В конце декабря 1936 года митрополит заявил, что он не может отменить постановление Синода ЛПЦ о переходе на новый календарь, однако «если на местах невозможно провести это решение в жизнь», то он «со своей стороны не будет возражать против отмечания праздников по старому и по новому стилю». В 1937 году единого порядка не было, каждый настоятель сам решал, подстраиваясь под настроения прихожан, какому календарю следовать. Однако уже в 1938 году в большинстве православных храмов Латвии служба проводилась только по старому календарю, новый же календарь прижился лишь в некоторых малочисленных видземских сельских приходах.

Авторитарные методы управления митрополита Августина, его стремления реформировать ЛПЦ в соответствии с государственной идеологией настроили против главы Церкви многих православных Латвии. Уже в начале 1937 года Политуправление МВД отмечало, что среди православных Латвии неуклонно усиливается оппозиция власти митрополита Августина, каждое его распоряжение встречает недоверие и сопровождается критикой, а также циркулируют разговоры о том, что истинным руководителем ЛПЦ является не митрополит Августин, а начальник Управления духовных дел МВД Э. Диминьш, так как Августин только выполняет его распоряжения. В 1939 году предполагалось созвать очередной Церковный Собор. Однако митрополит Августин, почувствовав непрочность своих позиций, на заседании Синода 20 апреля 1939 года предложил отложить созыв Собора и продлить срок полномочий нынешнего Синода. Синод в очередной раз согласился с его мнением и изменил статью Устава ЛПЦ о периодичности созыва Собора с трех на пять лет, а свои полномочия продлил еще на два года. Такие действия Синода были уже прямым нарушением Устава Церкви 1936 года, согласно которому все изменения в Устав мог внести только Церковный Собор.

События 1935-1936 годов, кардинально изменившие положение ЛПЦ, затрагивали всех православных Латвии, в том числе и Яниса Гарклавса, который в июне 1936 года успешно закончил Рижскую Духовную семинарию. Удостоверение об окончании Янисом Гарклавсом семинарии было

подписано ректором, протоиереем Иоанном Янсонсом 15 сентября 1936 года. Гарклавс оказался в последнем выпуске семинарии, так как в августе 1936 года Синод ЛПЦ принял решение упразднить это учебное заведение и на его основе открыть Православный Богословский институт. Это решение, с одной стороны, преследовало благие цели — дать возможность будущим священнослужителям ЛПЦ получить высшее образование, однако, с другой стороны, в результате этой реорганизации митрополиту Августину удалось отстранить от подготовки кадров для ЛПЦ одного из самых серьезных своих оппонентов — протоиерея Иоанна Янсона. Несмотря на то, что большинство православных мирян и священников Латвии составляли русскоязычные, распоряжением митрополита, принятом в октябре 1936 года, преподавание в Богословском институте было полностью переведено на латышский язык, а преподаватели, не знавшие латышского языка, были уволены. В день открытия института митрополит Августин направил телеграмму К. Ульманису, в которой выразил глубокую благодарность «высокоцитимому Вождю народа» и заверил, что весь институт возносит молитвы Богу «о благословении Вождя и помощи ему вести народ к единению и нравственному оздоровлению».

20 сентября 1936 года во время Божественной Литургии в Рижском Христорождественском кафедральном соборе Янис (Иоанн) Гарклавс был рукоположен митрополитом Августином (Петерсонсом) в диаконы, а 27 сентября того же года епископом Елгавским Иаковым (Карпсом) был посвящен в священники Дундагской церкви. Это был осознанный поступок уже зрелого человека, который, по сути, всю свою жизнь готовил себя к принятию священного сана. Он выбрал путь celibатного священника — случай уникальный в истории ЛПЦ. Это решение о. Иоанна было предопределено всей его жизнью. Он считал, что ничего не должно отвлекать его от духовной деятельности, что он должен безраздельно принадлежать только своей пастве. Уединение, духовное трезвение при помощи благодати Божией давали ему способность глубокого понимания человеческой души, а любовь к ближнему изначально уготовила ему путь пастыря. С раннего детства он чувствовал сильное влечение к молитве, и не только к молитве церковной, но и к молитве одинокой, которая роднит молящегося с Господом. Задолго до 1936 года, еще будучи мирянином, он выбрал для себя жизнь инока в миру, и рукоположение в сан священника было только логичным продолжением этой жизни.